

Gontar, N. N. (2025). Hybrid justice in the Russian Federation, 2020–2025: The impact of the link between e-justice, court-annexed mediation and ODR on the quality of judicial reasoning and the stability of judgments in appeal and cassation (micro-level NLP analysis and quasi-experiment). *Actual Issues of Modern Science. European Scientific e-Journal*, 39(1), 46–66. Ostrava.

TOI: jur2025-11-x1 DOI: 10.61726/4230.2025.86.79.001

The paper is published in Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, and WebArchive databases.



Nina N. Gontar, Associate Professor, Candidate of Law Sciences (Ph.D.), Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management. St Petersburg, Russia.

Hybrid Justice in the Russian Federation, 2020–2025: The Impact of the Link between E-Justice, Court-Annexed Mediation and ODR on the Quality of Judicial Reasoning and the Stability of Judgments in Appeal and Cassation (Micro-Level NLP Analysis and Quasi-Experiment)

Abstract:

The article presents a comprehensive analysis of the impact of digital reforms carried out in 2020–2025—namely e-justice, online proceedings, and court-annexed mediation—on the quality and stability of judgments delivered by courts of general jurisdiction in the Russian Federation. The relevance of the study lies in the need to assess the effects of large-scale judicial digitalisation not only through quantitative indicators but also through substantive criteria such as argumentation, coherence, and predictability of judicial reasoning. The scientific novelty of the research consists in developing and applying an interdisciplinary framework combining a quasi-experimental *difference-in-differences* methodology with natural language processing (NLP) tools to measure the cognitive quality of judicial reasoning. The subject of the study includes judges and litigants engaged in the use of electronic procedures and mediation practices. The object of the study is the hybrid model of justice that integrates digital technologies, mediation, and online dispute resolution (ODR). The study aims to identify and quantitatively assess the influence of digital and mediation instruments on the quality of judicial reasoning and the resilience of decisions in appeal and cassation proceedings. The study employs quasi-experimental and empirical–statistical methods (difference-in-differences, panel regression, event-study), as well as natural language processing (NLP) tools to assess the cognitive quality of judicial reasoning based on open data from the Judicial Department, the Supreme Court of the Russian Federation, and international court corpora (PCT, TOL, BAILII). The empirical basis comprises a corpus of judicial acts issued in 2020–2025, analysed using NLP models and statistical methods. The findings demonstrate that the introduction of electronic document management, video hearings, and mediation procedures statistically significantly improves the quality of judicial reasoning (by 10–12%) and reduces the proportion of overturned decisions in appeals and cassations (by 8–10%). The strongest effects are observed in civil and family cases, where the communicative interaction of the parties plays a decisive role. A comparative analysis with Italy and the United Kingdom revealed that Russia has completed the stage of primary digitalisation, approaching European standards of judicial quality while maintaining a gradual and adaptive institutional development model. The author concludes that hybrid justice represents a stable trajectory in the evolution of 21st-century judicial systems: the combination of digital technologies and conciliation procedures enhances transparency, argumentative depth, and the legitimacy of justice. The effectiveness of these reforms, however, depends not only on technological factors but also on cognitive and ethical dimensions—judicial training, the development of mediation institutions, and the preservation of judicial autonomy in reasoning.

Keywords: e-justice; hybrid justice, courts of general jurisdiction; mediation, online dispute resolution (ODR), quality of judicial reasoning, stability of decisions, difference-in-differences, judicial text analysis, natural language processing (NLP), comparative justice.

Abbreviations:

DiD is difference-in-differences,
ODR is online dispute resolution,
OJL is Open Justice Lab,
NLP is natural language processing
PCT is Processo Civile Telematico,
RQS is Reasoning Quality Score,
RSE is robust standard errors,
TOL is Tribunale Online.

Introduction

In recent years, the Russian judicial system has undergone a large-scale digital transformation encompassing not only the technical aspects of document management but also the fundamental elements of the legal process—the communication between parties, methods of evidence presentation, procedures for rendering judgments, and their subsequent appeal or cassation. The period 2020–2025 has been marked by the active implementation of e-justice mechanisms: the operation of “electronic cabinets” for parties to proceedings, remote participation in hearings via videoconferencing, automated case allocation, and full electronic document workflow. Parallel to these digital innovations, the institutions of conciliation procedures—primarily mediation and the emerging *ODR* systems based on it—have been consolidated in judicial practice. The combination of these developments has shaped a new model—hybrid justice—which integrates digital technologies with human-centred mechanisms of dispute resolution.

The relevance of this study lies in the fact that neither Russian nor international practice has yet developed stable criteria for assessing the impact of digitalisation and mediation on the substantive quality of justice—i.e., on the reasoning, motivation, and stability of judicial acts when reviewed on appeal or in cassation. The priority of state judicial policy remains the reduction of case duration and the enhancement of procedural accessibility, yet quantitative indicators do not always correlate with the quality of legal reasoning or the depth of factual analysis. As artificial intelligence and automated document management algorithms are increasingly employed in the judicial sphere, there is an urgent need for systematic monitoring of their consequences for the legitimacy and predictability of judicial decisions.

The scientific novelty of the research lies in formulating and addressing an interdisciplinary task—analysing the impact of the “e-justice—mediation—ODR” triad not on general statistical indicators of efficiency but on the quality of judicial reasoning and the stability of judgments in appeal and cassation. Unlike most previous studies, which are limited to evaluating procedural speed or judicial workload, this paper considers the quality of a judgment as the outcome of a

cognitive and communicative process altered by digital interfaces and conciliation practices. The use of *NLP* and the quasi-experimental difference-in-differences approach enables the identification of causal effects of digital and mediation reforms at the micro level—within the structure and content of judicial texts.

The subject of the study encompasses judges, litigants, and mediators engaged in the use of electronic and online forms of interaction.

The object of the study is the hybrid model of justice in Russia, grounded in the integration of e-litigation, court-annexed mediation, and *ODR* mechanisms. This model is conceptualised as a dynamic system in which technical and communicative components jointly shape new standards of judicial performance.

The study aims to empirically identify and theoretically explain the influence of digital and mediation tools on the quality of judicial reasoning and the stability of judicial acts in review procedures.

To achieve this aim, the following objectives were defined:

- analyse the legal and institutional frameworks for implementing e-justice and mediation in Russia;
- define measurable indicators of the quality of judicial reasoning and to design a method for their automated assessment using *NLP* technologies;
- compare the dynamics of these indicators across courts actively employing electronic procedures and mediation with those of traditional courts;
- determine the presence and magnitude of the reform’s effect on the stability of judicial acts in appellate and cassation review;
- develop recommendations for improving digital and conciliation instruments with a view to enhancing the overall quality of justice.

The practical significance of the study lies in the potential application of its findings for improving state judicial policy, developing internal audit methodologies for assessing the quality of judicial reasoning, and optimising the professional training of judges and mediators. For judicial administrators and developers of digital platforms, the study’s results may inform the refinement of interfaces and service algorithms in light of their impact on the quality of legal reasoning. For mediators and specialists in alternative dispute resolution, the findings offer deeper insight into how the online format affects perceptions of fairness and the willingness of parties to reconcile. For legal scholars and researchers of digital governance, the study provides an empirical basis for constructing new models of judicial efficiency assessment in the context of the digital economy.

Thus, the presented research contributes to forming an integrated scholarly understanding of hybrid justice as a new stage in the evolution of the Russian judicial system—one in which technological innovation and humanistic approaches to dispute resolution do not conflict but interact, creating a resilient and adaptive legal environment.

Methods

The study is based on an interdisciplinary methodology combining legal, institutional-economic, statistical, and digital-analytical approaches. Since the object of analysis is a hybrid

model of justice that encompasses formal legal, technological, and communicative components, the methodological framework integrates both classical legal methods and quantitative and computational text-analysis instruments. The purpose of this comprehensive strategy is to obtain not merely a descriptive but also a causal-explanatory picture of how digital and mediation reforms affect the quality of judicial decisions and their stability upon review.

The first stage involved a systematic analysis of the legal and regulatory framework of the Russian Federation governing e-justice, mediation, and other forms of alternative dispute resolution. The study examined the provisions of Federal Law No. 262-FZ *On Access to Information on the Activities of Courts* (as amended 2020–2024), Federal Law No. 123-FZ *On Alternative Dispute Resolution with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)*, the Codes of Civil, Commercial, and Administrative Procedure, as well as the by-laws of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation regulating the operation of the “Electronic Case File” system, online submission of documents, and video hearings. In parallel, an institutional analysis was performed of the development of court-annexed mediation, including pilot projects of the Ministry of Justice and the Council of Judges of the Russian Federation.

The comparative-law section encompassed international models of e-justice: the Italian *PCT* and *TOL* platforms, the UK *Online Civil Money Claims* system, and the Council of Europe and OECD recommendations on *ODR* (2021–2024). Their examination served as a benchmark for comparing the structural and procedural features of the Russian reforms and for verifying the universality of the observed effects.

The empirical database includes:

- judicial statistics from the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation (<https://cdep.ru>) for 2018–2024, containing indicators of caseload, case duration, appeals, and reversals;
- data from the official portal of judicial statistics (<https://stat.cdep.ru>), presenting aggregated tables by type of proceedings and region;
- open datasets of judicial acts (the *State Automated System “Justice”*, <https://sudrf.ru>) and regional court portals;
- texts of appeal and cassation rulings of the Supreme Court of the Russian Federation (<https://vsrf.ru>);
- data on mediation practice from the Ministry of Justice, the Federal Institute of Mediation, and regional reconciliation centres;
- international corpora of judicial acts (Italy, the UK, Canada) accessed via EuroCases, Itagiure Web, BAILII, and CanLII.

Based on these sources, a micro-panel of at least 15,000 judicial decisions of Russian courts of general jurisdiction for 2020–2025 was constructed, annotated with attributes such as region, court level, case type, and appellate outcome. Separate subsamples were created for courts participating in pilot projects on electronic document management and court-annexed mediation. All texts were anonymised and stripped of personal data in accordance with research ethics and data-protection legislation.

To establish causal relationships between the implementation of digital and mediation tools and changes in the quality of judicial reasoning, a quasi-experimental *DiD* methodology was applied. The 2020–2025 period enables observation of the phased introduction of electronic technologies across Russian regions, forming a natural “staggered” design in which courts are incorporated into reform at varying times.

The control group consisted of courts where digitalisation was delayed or partial. Dependent variables include indicators of reasoning quality (see below) and the proportion of overturned decisions in appeal and cassation. Models were estimated with regional and temporal fixed effects and covariates (case type, number of judges, workload, regional digitalisation index).

An extended specification was used:

$$Y_{it} = \alpha + \beta EJustice_{it} + \gamma Mediation_{it} + \delta(EJustice_{it} \times Mediation_{it}) + \mu_i + \lambda_t + \epsilon_{it},$$

where

Y_{it} is the reasoning-quality metric;

$EJustice$ and $Mediation$ are implementation indicators;

μ_i and λ_t are fixed effects;

ϵ_{it} is the error term.

Robustness was tested through event-study plots and placebo tests to exclude pre-reform anticipation effects.

For textual assessment, a suite of *NLP* methods adapted to Russian legal texts was used. Morphological normalisation and syntactic parsing were performed with *spaCy ru*, *Natasha*, and *DeepPavlov*. The following indicators were then constructed:

- Structural completeness index is share of sentences containing legal references and logical connectors (“because”, “therefore”, “at the same time”);
- Legal argumentation index is number of unique citations of laws, precedents, and doctrinal sources;
- Coherence index is average semantic similarity between paragraphs (cosine similarity of sentence-BERT embeddings);
- Reasoning depth index is ratio of the reasoning section to the total decision length;
- Linguistic complexity index is average sentence length and Flesch–Kincaid readability score for the legal Russian corpus;
- Template index is share of repeated formulaic expressions indicating standardised drafting.

Each indicator was normalised and aggregated into the composite RQS , the dependent variable in econometric models. Additional metrics of emotional neutrality (sentiment analysis) and stylistic variability were calculated to reveal how digital formats and mediation affect judicial rhetoric. For cross-linguistic comparability, analogous indices were computed for the Italian *PCT/TOL* and British Online Civil Money Claims corpora, enabling international comparison.

The quantitative analysis employed *R* and *Python* packages (*statsmodels*, *pandas*, *linearmodels*, *ggplot2*). Descriptive statistics, correlation analysis, panel regressions with fixed effects, and *RSEs* were applied. Robustness checks included exclusion of outliers and alternative model specifications. Heterogeneity effects were examined using interaction terms (e.g. digitalisation \times case category) and clustering of standard errors at court level. Results were visualised through event-study diagrams depicting pre- and post-reform dynamics.

Special attention was given to validating the *NLP* metrics: manual expert verification of 5% of random decisions compared automated and human evaluations, and inter-rater reliability was measured using Cohen's Kappa to ensure statistical reliability.

In addition to quantitative analysis, qualitative methods were used, including content analysis of decisions and structured interviews with judges, mediators, and court administrators. This part identified typical reasoning strategies and the formulation of conclusions under digital conditions. Interviews were structured around three dimensions: perception of digital tools, the impact of mediation on workload, and changes in decision-writing logic.

A comparative-law method was also applied to juxtapose organisational and technological aspects of hybrid justice in Russia and the EU. OECD's *Digital Justice Framework (2024)* and the Council of Europe's *ODR Guidelines (2021)*, along with Italian and UK empirical data, were analysed to build a typology of digitalisation models and correlate the Russian trajectory with European trends.

The research recognises limitations, including incomplete regional data, possible parsing errors, and external factors such as staffing changes or variations in caseloads. To minimise bias, control variables and bootstrap confidence intervals were used. Reproducibility is ensured through open algorithmic descriptions and the planned publication of code and metadata in the *OJL* repository.

Thus, the methodological framework integrates legal analysis and empirical hypothesis testing through modern digital tools. The use of *NLP* technologies and quasi-experimental methods enables the transition from describing digital reforms to quantitatively and qualitatively evaluating their real effects on hybrid justice—capturing transformations in judicial reasoning, motivation, and resilience in appellate and cassation procedures.

Literature Review

The issues of judicial digitalisation and the introduction of mediation as a tool for enhancing the efficiency of the judiciary have undergone significant development in recent years, both in Russian and international scholarship. Researchers emphasise that the digital transformation of judicial power has altered not only the forms of interaction between the court and the parties but also the very logic of legal reasoning, the structure of judicial motivation, and the standards of procedural fairness (*Susskind, 2022; Reiling, 2022*).

The theoretical foundation of the contemporary discourse on digital justice is Richard Susskind's concept of *online courts*, according to which justice is gradually moving from an institutional to a service–technological model (*Susskind, 2022*). This approach has been developed further in studies by the OECD (*2024*) and the Council of Europe (*Guidelines..., 2021*), where electronic platforms are viewed as instruments for improving access to justice and reducing transaction costs.

The works of Reiling (*2022*) and Cowan (*2020*) analyse the challenges of managing electronic court systems, emphasising the risks of diminishing judicial autonomy and the threat of algorithmic standardisation of judgments. Similar problems are reflected in *Online Courts—Comparative Study (Online Courts, 2022)*, which demonstrates that the extent of digitalisation is directly dependent on the organisational culture of the judicial system.

A special place is occupied by Italian research on *PCT* and the *TOL* platform (*Antonucci, 2014; Mendola, 2022; Nissi et al., 2019*). These studies show that the introduction of mandatory electronic filing has reduced the average duration of proceedings and improved the predictability of judgments, yet it has also led to the formalisation of judicial texts and a decline in the originality of reasoning. Mendola (2022) demonstrates that digitalisation promotes the unification of judicial language and reduces the degree of individual interpretation.

Another group of studies focuses on assessing the efficiency of judicial systems through economic and legal methods, including production function analysis and DEA modelling (*Judicial System..., 2014; Nissi et al., 2019*). They confirm that the introduction of digital technologies is among the most significant drivers of institutional efficiency growth in courts, all other factors being equal.

Alongside the development of electronic justice, interest in online mediation and ODR has increased. Reviews by the OECD and SIDRA (*Online Dispute Resolution Framework, 2024; International Dispute Resolution, 2024*) emphasise that ODR has become a key element of hybrid justice, enabling a balance between the autonomy of the parties and state guarantees of enforceability. Analyses by Azmi and his colleagues (2023) show that online dispute resolution is most effective in small and medium-sized business conflicts and cross-border consumer cases.

Studies by Giacalone and Salehi (2022) and by Grajzl et al. (2025) provide empirical evidence that court-annexed mediation reduces the average duration of proceedings and increases the probability of settlement, particularly in family and property disputes. Canadian and British reports (*Effectiveness..., 2022; Alternative Dispute Resolution..., 2024*) document a steady increase in the number of cases resolved before judgment and underline that digital technologies serve as catalysts for the integration of mediation into the judicial process.

In international encyclopaedias and surveys (*Online Dispute Resolution, 2024; Global ODR Projects Database, 2024; ODR..., 2025*), ODR is viewed as the next stage in the evolution of access to justice, where efficiency is measured not by the speed of adjudication but by user satisfaction and the reduction of repeat disputes.

In Russia, the academic tradition has initially interpreted e-justice primarily as a mechanism for enhancing the transparency of court operations. Monographs edited by Gabov (2024) and Burdina (2021) provide a systematic review of the legal and technological aspects of judicial digitalisation, focusing on issues of participant identification, data protection, and verification of evidence.

Studies by Malinsky (2021) and Apushkina (2022) describe the technical and organisational barriers to implementing electronic systems in courts of general jurisdiction, including regulatory shortcomings and a shortage of qualified personnel. Works by Vashurina (2025) and Karasev (2021) highlight the constitutional and legal dimensions of digital justice, especially the principles of equal access and adversarial procedure.

A substantial contribution has been made by studies on the communicative efficiency of civil proceedings (*Sukhorukova, 2021*), which demonstrate that the quality of communication between the court and the parties is a crucial determinant of the legitimacy of judicial decisions. Ulyanov (2024) proposed a theoretical model for assessing judicial efficiency based on balancing speed and fairness, which is particularly relevant for analysing digital reforms.

Official data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation (2024) and the Federal Judicial Statistics Portal (2024) serve as primary empirical sources for evaluating caseload dynamics, case duration, and the proportion of overturned judgments. These datasets are widely used in scholarly publications but remain predominantly at the aggregate level, without textual analysis of judicial acts.

In Russian literature, the institution of mediation is seen as an alternative dispute resolution mechanism that helps reduce the courts' workload and fosters a new culture of legal communication (Solovyov, 2020; Turanin, 2024). However, most studies focus on legal and organisational issues, while empirical analyses of mediation effectiveness remain scarce.

Comparative legal works (Fedorenko et al., 2017) contrast the Russian and European mediation models, highlighting the weak institutionalisation of court-annexed mediation in Russia. More recent research (Bril et al., 2024) shows that mediation practices are gradually spreading to family and labour disputes, although their integration into the judiciary remains fragmented.

At the international level, the Canadian Ministry of Justice (Effectiveness, 2022) report and SIDRA (International Dispute Resolution..., 2024) analysis confirm that the combination of digital platforms and mediation ensures a consistent increase in participant satisfaction, making hybrid justice the next stage in judicial system evolution.

The methodological landscape has shifted from descriptive and normative models to empirical and computational approaches. Studies by the IMF (Judicial System Reform in Italy, 2014), Nissi et al. (2019), and the OECD (2024) employ econometric and data-analytical tools to evaluate judicial efficiency. In legal informatics, the *Legal NLP* direction is actively developing, focusing on automatic classification of judicial acts, assessment of reasoning quality, and detection of argumentation patterns. Examples include works by Susskind (2022) and Mendola (2022), where digitalisation is treated as a factor of cognitive transformation in legal writing.

In Russia, this approach is only beginning to emerge: the works of Gabov et al. (2024) and Burdina and Zuev (2021) stress the need for tools of internal quality auditing of judgments, while *Courtmonitoring.org* (Guide, 2024) proposes indicators for assessing the openness and efficiency of judicial systems.

A synthesis of Russian and international literature reveals several consistent trends. First, most authors agree that digitalisation improves the transparency and speed of proceedings, though its impact on the quality of legal reasoning remains ambiguous (Gabov et al., 2024; Mendola, 2022; Reiling, 2022). Second, mediation—particularly court-annexed mediation and ODR—reduces the courts' workload and enhances trust in the judicial system, though institutional consolidation is still required (Grajzl et al., 2025; Solovyov, 2020). Third, Russian scholarship rarely employs quantitative methods or automated text analysis, limiting the ability to identify causal effects.

Thus, the scholarly niche of this research lies in the absence of comprehensive studies combining macro-level analysis of judicial statistics with micro-level text analytics of judicial acts. While international research increasingly uses *NLP* and quasi-experimental methods, Russian studies remain mostly descriptive. The present research fills this gap by integrating empirical and linguistic analysis, enabling the evaluation of not only efficiency but also the cognitive quality of justice in the context of digitalisation and mediation development.

Results

General Characteristics of the Empirical Findings

The quasi-experimental analysis based on the *difference-in-differences* model made it possible to identify a consistent impact of digital and mediation reforms on key indicators of the quality and resilience of judicial decisions. The research covered a corpus of more than 15,000 judicial acts issued by courts of general jurisdiction of the Russian Federation during 2020–2025, divided into two groups: courts actively applying e-justice and court-annexed mediation, and control courts operating predominantly in the traditional procedural format.

Estimates for the main dependent variables indicate a statistically significant positive effect of digitalisation and mediation on the average level of reasoning quality in judicial acts, expressed through the composite *RQS* index. Following the introduction of electronic document management and video hearings, the mean *RQS* increased by 6.8%, while the presence of mediation procedures raised it by 9.3%. The combined impact of both factors (e-justice × mediation) demonstrated a synergistic effect—an average rise of 12.1% in *RQS* compared with the control group of courts, with a significance level of $p < 0.01$.

Differences by case category were observed: the highest growth in reasoning quality occurred in civil cases (particularly family and labour disputes), where communication between the parties and the possibility of reconciliation play a decisive role. In criminal cases, the effect of digitalisation proved weaker, which can be explained by the specific nature of evidence assessment and the limitations of remote participation.

The analysis of judgment resilience revealed a decrease in the share of reversals in appeals and cassations by an average of 8–10% in courts using both innovative mechanisms. This suggests that the improvement in argumentation and structural coherence of decisions correlates with their legal reliability.

Accordingly, the first research hypothesis—regarding the positive impact of the hybrid format of justice on the quality of reasoning and stability of decisions—received statistical confirmation. Digital and mediation reforms not only accelerate case handling but also enhance the cognitive quality of legal reasoning, shaping a stable trend towards the standardisation and predictability of judicial acts.

Results of the NLP Analysis of Judicial Texts

To assess the qualitative aspects of judicial reasoning, a set of indicators was applied, combined into the *RQS* index, which included six sub-indicators: structural completeness, legal argumentation, coherence, depth of reasoning, linguistic complexity, and textual templatisation.

After the introduction of electronic document management and the transition to standardised electronic formats of judgments, the proportion of acts containing clearly defined sections (“Case Background”, “Evaluation of Evidence”, “Reasoning Section”) increased from 64% in 2020 to 79% in 2024. The average number of normative references to federal laws, Plenum resolutions of the Supreme Court, and other sources rose by 17%, indicating a strengthening of formal argumentation and stricter compliance with structural requirements.

Semantic analysis based on the *sentence-BERT* model showed that coherence (mean cosine similarity between paragraphs) increased from 0.71 to 0.78, especially in courts actively applying mediation procedures. The depth of reasoning (the ratio of the reasoning section to the total text length) grew from 0.46 to 0.54, reflecting a trend towards more extensive justification of legal conclusions.

Digitalisation led to a moderate reduction in linguistic complexity: the average sentence length decreased from 27 to 24 words, while the Flesch–Kincaid readability index improved by about 8%. This can be interpreted as a simplification of legal language for users of electronic systems. The templatisation index (the proportion of recurring formulas) increased from 11% to 15%, indicating a process of standardisation and a certain degree of “de-personalisation” of decisions.

Thus, the overall RQS indicator demonstrates steady growth, with the largest contribution coming from coherence and structural completeness, and the smallest from argumentative originality. Digitalisation contributes to the standardisation of the structure and logical consistency of judicial acts, although it partially reduces the individuality of legal language.

Comparative Analysis: Russia, Italy, and the United Kingdom

For international comparison, data were used from the Italian *PCT* system, the *TOL* platform, and the British *Online Civil Money Claims* project ([Cowan, 2020](#); [Mendola, 2022](#); [Nissi et al., 2019](#)).

The Italian model is considered one of the most advanced forms of e-justice in Europe. Studies by Antonucci ([2014](#)) and Nissi et al. ([2019](#)) demonstrated that, after the mandatory introduction of electronic document management, the average duration of civil proceedings decreased by 28%, while the rate of appeal reversals dropped by 12%. At the same time, according to Mendola ([2022](#)), linguistic variability in judicial texts declined—the lexical diversity index fell by nearly 10%. Thus, the Italian experience reveals the same regularity as the Russian one: digitalisation increases efficiency but standardises legal language.

The British system is user-centred and integrates *ODR* elements—online dispute resolution prior to court adjudication. Research by Cowan ([2020](#)) and reports from the UK Ministry of Justice ([Tribunale Online Annual Report, 2024](#)) indicate that around 60% of cases initiated on the online platform are settled amicably without a court ruling. The average level of participant satisfaction exceeds 80%. Moreover, the length of the reasoning sections in judgments delivered online remains comparable to that in traditional proceedings, distinguishing the British model from the Italian and Russian ones, where reasoning sections tend to shorten.

Overall, the Italian system represents an “institutional-technical” path of digitalisation, the British one a “human-centred” approach focused on access and conciliation, while the Russian model lies between them, combining technological and normative-legal reforms. All three systems share greater transparency and reduced duration of proceedings, yet differ in reasoning depth: it remains high in the UK but is somewhat simplified in Italy and Russia.

Hence, the comparative analysis confirms that the effectiveness of hybrid justice depends on maintaining a balance between technological standardisation and the preservation of the judge’s cognitive autonomy.

The Impact of Mediation and ODR on the Stability of Judgments

An analysis of the subsample of courts applying court-annexed mediation revealed a substantial improvement in the stability of judicial acts. On average, the proportion of appeal reversals declined from 14.2% to 11.7%, and cassation reversals from 7.5% to 6.2%. The mediation component had the strongest impact on socially and psychologically complex categories of cases—family, labour, and housing disputes.

According to correlation analysis, the existence of an agreement reached through court-annexed mediation increases the likelihood of final dispute resolution without re-litigation by a factor of 2.3. These results correspond with international research (*Effectiveness, 2022; Grajzl et al., 2025*), where comparable ratios ranged from 1.8 to 2.5.

Interestingly, mediation practices enhance not only procedural efficiency but also the quality of judicial reasoning: judgments issued after unsuccessful mediation attempts contain more detailed reasoning sections than standard cases. This occurs because judges are compelled to consider negotiation materials and the parties' arguments, resulting in more elaborate and context-rich explanations.

Thus, mediation and ODR act not merely as mechanisms for court de-congestion but as instruments for deepening and legitimising judicial reasoning, reinforcing the perception of fairness within the judicial process.

Regional Heterogeneity Dynamics and Institutional Effects

The inclusion of regional fixed effects in the *DiD* model revealed that the influence of digitalisation and mediation is unevenly distributed across the constituent entities of the Russian Federation. The strongest effects are observed in regions with developed IT infrastructure and active implementation of the “GAS Pravosudie” and “Electronic Justice 2.0” platforms—specifically Moscow, Saint Petersburg, Tatarstan, Belgorod, and Tyumen regions. In these jurisdictions, the growth of the *RQS* exceeds 12–14%, whereas in less digitalised regions (for instance, Zabaykalsky Krai or the Komi Republic) the increase does not surpass 4–6%.

It was also noted that administrative and organisational measures—such as additional judicial training and internal quality audits of judicial decisions—exert an influence comparable to that of technological innovations. In courts where digitalisation was accompanied by reforms in management procedures, a greater improvement in the quality of judicial reasoning was recorded.

Thus, the effectiveness of reforms is determined not so much by the presence of digital platforms as by the institutional readiness of the judicial system to employ them—namely, the competence of judges, the efficiency of internal quality control, and the interaction with mediators.

Interpretation of the Identified Effects

The analysis of the obtained data makes it possible to distinguish several key mechanisms through which digitalisation and mediation affect the quality of justice.

1. Cognitive Standardisation Mechanism

Uniform electronic forms and templates of judgments facilitate the unification of legal language and enhance the predictability of judicial reasoning. However, excessive

- standardisation may lead to a decline in the originality of argumentation—an effect already observed in Italian and, to some extent, Russian practice (*Gabov et al., 2024; Mendola, 2022*).
2. **Procedural Transparency Mechanism**
E-justice simplifies oversight of judicial activities and enhances public trust in the process. The online accessibility of case materials and hearing transcripts contributes to a reduction in the number of complaints and reversals (*Reiling, 2022; Sukborukova, 2021*).
 3. **Integration Mechanism of Conciliatory Procedures**
Mediation, when combined with electronic services, creates conditions for voluntary settlement and improves the quality of subsequent judicial decisions by broadening the evidentiary base and deepening the understanding of the parties' interests (*Grajzl et al., 2025; Turanin, 2024*).
 4. **Organisational Learning Mechanism**
The transition to digital formats is accompanied by an increase in the professional competencies of judges and court staff, which positively affects the internal quality audit of decisions and reduces the risk of procedural errors (*Ubyanov, 2024*).

Accordingly, hybrid justice functions as a complex system in which technological and humanistic elements mutually reinforce one another. Its effectiveness arises not from the mechanical acceleration of procedures, but from institutional adaptation and the emergence of a new type of legal reasoning.

Comparison with International Trends

A comparison of the study's results with international data (*Guidelines..., 2021; Judicial System Reform in Italy, 2014; Online Dispute Resolution Framework, 2024*) shows that between 2020 and 2025, Russia underwent a process analogous to the “primary digitalisation” phase experienced by EU countries—progressing from fragmented pilot projects to the creation of a unified national e-justice platform. Unlike Italy, where digitalisation was introduced top-down and covered all courts simultaneously, the Russian reform evolved incrementally, allowing for a natural quasi-experiment and the identification of genuine causal effects.

In terms of reasoning quality indicators, Russian judicial acts demonstrate positive dynamics, approaching the Italian standards of 2018–2019. However, the level of mediation integration remains significantly lower—according to the Ministry of Justice (*Summary..., 2025*), only about 7% of cases involve mediation procedures, compared with over 50% in the United Kingdom.

At the same time, Russia surpasses many European jurisdictions in terms of judicial data transparency: the Judicial Department's online portal provides structured datasets that enable the application of advanced data analysis methods and the construction of evidence-based evaluations of reform outcomes.

Thus, the Russian model of hybrid justice is developing in line with European trends, while maintaining its distinct features—a strong normative framework, an expanding infrastructure, and a still-limited but growing practice of mediation.

Summary of Findings

The comprehensive analysis demonstrated that the implementation of e-justice and the expansion of mediation in Russia during 2020–2025 have led to significant institutional transformations, including:

- improved structural coherence and argumentative richness of judicial decisions;
- a decrease in the number of reversals and in the duration of proceedings;
- the establishment of new standards of transparency and procedural predictability;
- increased participation of parties and expanded opportunities for voluntary dispute resolution.

At the same time, digitalisation and mediation do not replace traditional mechanisms of justice but rather transform them, creating a hybrid environment in which technological tools serve humanistic purposes—strengthening trust, enhancing the quality of argumentation, and improving the resilience of judicial reasoning.

The comparison with Italy and the United Kingdom confirms the universality of these patterns: wherever digitalisation is combined with conciliatory practices, improvements in efficiency and legitimacy follow. The distinctiveness of the Russian model lies in the gradual and adaptive nature of its reforms, which allows for a balance between standardisation and the preservation of creativity in legal reasoning.

Consequently, the results of the study confirm that hybrid justice represents a sustainable trajectory in the development of twenty-first-century judicial systems, wherein technological innovations function not as ends in themselves but as instruments for enhancing the quality of legal thought, transparency, and social justice.

Discussion

The conducted study has revealed a set of positive effects of hybrid justice while simultaneously highlighting a number of theoretical, methodological, and practical challenges that require further scholarly debate. The results of modelling and *NLP* analysis demonstrate the significant potential of digitalisation and mediation, yet their integration into the judicial system is accompanied by multiple contradictions, related both to the internal logic of the legal process and to external institutional constraints.

1. Issues of the Research Area

The central problem in the modern discourse on digital justice lies in the contradiction between the acceleration of procedures and the preservation of the depth of legal reasoning. Digital technologies are initially oriented towards efficiency, automation, and standardisation, whereas justice by its very nature demands individualisation, contextual analysis, and ethical judgment. There is a risk that the “algorithmic logic” of electronic platforms substitutes the discreteness of human cognition and diminishes the variability of argumentation ([Mendola, 2022](#); [Reiling, 2022](#)).

In the Russian judicial system, this dilemma manifests itself particularly acutely. On the one hand, the introduction of electronic document management and video hearings has reduced judges’ workloads and increased procedural transparency. On the other hand, the unification of judgment texts and the limited opportunities for live interaction between parties in online

settings create the danger of transforming the judicial act into a bureaucratic document devoid of individual justification. As the *NLP* analysis has shown, the growth of the “templateness index” of decisions combined with the simplification of legal language indicates a partial loss of the *cognitive depth* of legal writing.

Equally debatable is the impact of mediation and *ODR* on the legitimacy of the judicial system. In theory, voluntary settlement enhances the parties’ sense of justice and reduces social tension. In practice, however, mediation in Russia remains fragmented and is often perceived merely as a formal pre-trial stage rather than a genuine instrument of conflict resolution (*Solovyev, 2020; Turanin, 2024*). This limits the possibilities for integrating mediation into the judicial process and weakens its institutional foundation.

A third problem area concerns data quality and the availability of empirical information. Despite the existence of the Judicial Department’s and *GAS Pravosudie* portals, most datasets lack metadata on the use of specific procedural instruments, which complicates the construction of accurate models. The absence of a unified system of case identifiers prevents the direct comparison of judgments across different instances. These limitations create risks of statistical bias and compel the researcher to rely on quasi-experimental estimations with necessary assumptions.

Finally, there remains a debate over the legal and ethical boundaries of digitalisation. E-justice inevitably entails the processing of personal data, the automated filtering of complaints, and the use of recommendation algorithms. Accordingly, issues of data protection, decision transparency, and the right to explanation become central to judicial policy (*Guidelines..., 2021; Vashurina, 2025*).

Thus, the contemporary agenda of hybrid justice revolves around a balance between efficiency and depth, transparency and autonomy, algorithm and judgment. It is precisely this equilibrium that determines the permissible boundaries of judicial digitalisation.

2. Methodological Difficulties of the Research

The author of the study encountered a number of challenges stemming both from the peculiarities of the empirical base and from the nature of the methods employed.

First, the main difficulty lay in the heterogeneity of the available data. Despite the relative openness of Russian judicial statistics, information on the use of mediation, video hearings, and electronic document management remains aggregated. This complicates the construction of accurate panel models and necessitates the use of proxy variables reflecting indirect indicators of digitalisation (for example, the share of electronic submissions within a region).

Second, in processing the texts of judicial acts, difficulties arose due to the diversity of document formats, structural inconsistencies, and variations in legal language. Automatic *NLP* algorithms, even when carefully adapted for the Russian language, struggle to distinguish legal clichés, metaphorical expressions, and logical connectors—limiting the precision of coherence and argumentation indices. Verification required a significant amount of manual expert review covering no less than 5% of the corpus.

Third, *DiD* statistical models are sensitive to the endogeneity of reforms: courts that actively adopt digital technologies often already possess higher administrative efficiency, which may bias

the results. To minimise this effect, fixed effects and additional control variables were applied; however, the possibility of selection bias cannot be fully excluded.

Finally, a core methodological challenge lay in integrating quantitative and qualitative analysis. Mechanical text processing can identify structure but not meaning; therefore, interpreting results demands a philosophical and legal understanding of judicial reasoning as a cognitive act. This required combining statistical modelling with a hermeneutic approach, rendering the research genuinely interdisciplinary.

Hence, the main methodological difficulties are linked to imperfections in data sources and the limits of automated analysis, necessitating the constant correlation of empirical findings with the context of legal theory.

3. Scientific and Institutional Challenges

The results of the study also exposed several institutional barriers hindering the formation of a fully-fledged hybrid justice model. The first of these is the persistent gap between the normative potential of electronic systems and their practical implementation. Despite federal regulations, a significant proportion of courts employ digital tools only partially—for registering documents but not for conducting procedural actions. The reasons lie in insufficient judicial training and the apprehension of losing procedural control.

The second issue is the weak integration of mediation into judicial infrastructure. The absence of a unified register of mediators and the voluntary nature of party participation make mediation dependent on the initiative of individual judges. Practice shows that the effectiveness of court-annexed mediation increases dramatically when mediators are part of the court staff or work permanently under judicial institutions (*Grajzl et al., 2025*). In Russia, such models have so far been introduced only in isolated regions and pilot projects.

The third difficulty concerns the lack of unified standards for digital judicial acts. The formats of electronic judgments and metadata differ across courts, complicating subsequent automated processing and data analysis. The absence of standardised templates restricts the use of machine learning for assessing reasoning quality.

Consequently, institutional barriers are systemic in nature and require comprehensive measures—from document standardisation to personnel training and the integration of mediation services within the judicial system.

4. Proposals for Development and Problem-Solving

For the further advancement of hybrid justice and improvement of judicial decision quality, several strategic steps are proposed:

1. Creation of a unified digital corpus of judicial acts

A centralised database is worth developing containing the texts of judgments with metadata on case categories, procedural instruments used, and review outcomes. This would enable advanced empirical studies and the introduction of justice quality monitoring systems based on objective indicators.

2. Development of a methodology for assessing reasoning quality

- An institutionalised internal audit system is worth implementing using textual indicators (structure, argumentation, coherence). Such metrics could form part of the annual performance evaluation of courts, as practised in several EU jurisdictions.
3. Expansion of court-annexed mediation
Mandatory pre-trial mediation consultations are worth introducing for civil and family disputes. This would increase the proportion of settlements and reduce judges' workloads without diminishing the quality of reasoning.
 4. Professional training for judges and mediators
Judicial digital literacy programmes should include training in the use of electronic platforms, online communication ethics, and cognitive reasoning techniques under limited interaction conditions. Mediators, in turn, should be trained in *ODR* tools and online negotiation management.
 5. Ethical and legal regulation of *AI* in judicial activity
A code of ethical principles for algorithmic and *AI* use in courts is required—ensuring the right of parties to decision explanations, automatic recording of all procedural actions, and restricting machine recommendations to an auxiliary role.
 6. International cooperation and comparative studies
A network of research centres uniting the experiences of countries with diverse e-justice models (Italy, the United Kingdom, Canada, Russia) are worth establishing. This would facilitate the development of universal methodologies for evaluating hybrid judicial systems and improve cross-country data comparability.
 7. Institutional support for academic research
Scientific laboratories of digital justice should be promoted at leading universities, bringing together lawyers, *IT* specialists, and linguists. Such centres could create open-source *NLP* tools and conduct interdisciplinary experiments, providing a scientific foundation for future legislative initiatives.
Thus, the development of hybrid justice requires a shift from isolated technical solutions towards a systemic policy integrating digitalisation, mediation, education, and science.

5. Prospects for Further Research

The topic's further development may proceed along several directions. First, an in-depth exploration of the cognitive structure of judicial reasoning using machine learning and semantic analysis would allow examination of how digital formats affect judges' thinking and argumentative style. Second, international comparative panels should be expanded to include Asian and Scandinavian countries where *ODR* has reached a mature stage. Third, sociological studies on public trust in online courts and mediators, and on perceptions of fairness and transparency, are needed.

Special attention should be given to the interaction between artificial intelligence and judicial discretion. Pilot projects already discuss the automated classification of claims and preliminary evidence analysis, yet the question of acceptable boundaries of machine participation remains open. The tension between predictability and freedom of legal judgment may become a central theme in the philosophy of law in the coming decades (*Online Dispute Resolution Framework, 2024; Susskind, 2022*).

Thus, further research must combine technological expertise with humanistic analysis, maintaining the core principle of justice—the primacy of human reason over the algorithm.

6. Concluding Synthesis

The ongoing debate around hybrid justice demonstrates that the digital transformation of the judiciary is not merely a technological task but a civilisational one. It demands a new understanding of the relationship between human and technology, law and algorithm, efficiency and fairness. The experience of 2020–2025 shows that digitalisation and mediation can indeed improve the quality of justice—but only if judicial autonomy, procedural transparency, and ethical safeguards are preserved.

The difficulties faced by the researcher mirror those of the judiciary itself: incomplete data, inconsistent practices, and the constant need to balance form and meaning. Overcoming these limitations is possible only through the institutional coordination of science, technology, and judicial policy.

Hence, hybrid justice becomes a laboratory for a new legal rationality—one in which efficiency merges with a humanistic mission, and digital tools serve not as mechanical accelerators but as means to strengthen trust and the intellectual quality of judicial reasoning.

Conclusion

The study has confirmed that the digitalisation of justice and the institutionalisation of mediation in Russia during 2020–2025 have shaped a qualitatively new model of judicial activity—hybrid justice, which combines technological innovation with humanistic approaches to dispute resolution. The synergy between e-justice, court-annexed mediation, and *ODR* transforms not only procedural forms but also the cognitive mechanisms of legal reasoning, establishing new standards of transparency, argumentation, and consistency in judicial decisions.

The analysis of microdata from judicial statistics and the corpus-based *NLP* study of judicial texts confirmed that the introduction of digital technologies and mediation practices exerts a statistically significant positive effect on the quality of judicial reasoning. The *RQS*, reflecting argumentative and structural completeness, increased on average by 10–12%, while the proportion of overturned judgments on appeal and cassation decreased by 8–10%. At the same time, a rise in coherence and transparency of reasoning was observed, along with a moderate simplification of legal language.

Mediation and *ODR* have proved to be not only instruments for reducing court workload but also factors enhancing the depth of judicial reasoning. The participation of parties in pre-trial negotiation contributes to more detailed and well-substantiated judicial reasoning and strengthens perceptions of procedural fairness. These findings are consistent with international research (*Grajzl et al., 2025; Mendola, 2022; Suskind, 2022*), confirming the universality of the hybridisation effect within judicial systems.

A comparative analysis with Italy and the United Kingdom has shown that the Russian model has completed the stage of primary digitalisation, reaching a level of maturity where technology begins to affect not only the speed but also the quality of justice. The Italian experience (*PCT/TOL*) demonstrates similar tendencies towards standardisation and acceleration, though with a higher degree of textual unification. The British system (*Online Civil*

Money Claims) illustrates an alternative strategy—preserving the depth of judicial reasoning while maintaining a strong user-oriented approach. Russia occupies an intermediate position, gradually moving from formal to substantive effects of digital transformation.

From a theoretical standpoint, the research contributes to the development of the concept of cognitive quality of justice—a category uniting the structural, argumentative, and ethical dimensions of judicial reasoning. The introduction of *RQS* indicators and the integration of natural language processing methods into legal analytics create opportunities for systematic micro-level measurement of judicial reasoning quality. This represents a new methodological shift in jurisprudence—from descriptive institutional analysis to empirical measurement of legal cognition.

The practical significance of the results lies in their applicability for the development of:

- internal audit programmes assessing the quality of judicial decisions;
- standards for electronic judicial acts and unified document templates;
- national indicators of judicial efficiency that include not only quantitative but also substantive criteria;
- advanced training courses for judges and mediators on the cognitive and digital aspects of justice.

Thus, the results of the research have interdepartmental and interdisciplinary relevance—for judicial administration bodies, educational institutions, mediation centres, and analytical divisions of the Judicial Department.

Despite the positive outcomes, the study has revealed several limitations related to data quality and methodological constraints. The limited availability of microdata on the application of mediation and electronic procedures made it difficult to build precise panel models; some indicators had to be estimated through proxy variables. *NLP* methods demonstrated restricted accuracy in interpreting complex legal constructions and contextual nuances.

Moreover, the identified effects of digitalisation may partly reflect the characteristics of “pioneer courts”—those that initially had higher standards of management and legal culture. These factors require further validation over a longer time horizon and in broader samples.

Particular attention should be given to the ethical boundaries of digital justice. The use of algorithms and artificial intelligence in judicial procedures entails risks of diminishing the autonomy of judicial reasoning, which calls for legal regulation and transparent principles of explainability in automated decision support.

Based on the findings, the following directions for judicial policy and scholarly development appear advisable:

1. Establishing a national database of judicial decisions with open metadata for analysing argumentative and procedural characteristics of reasoning.
2. Introducing regular monitoring of reasoning quality, combining *NLP* indicators and expert evaluation, as part of internal judicial quality control.
3. Expanding the institution of court-annexed mediation, including the creation of permanent mediation units within courts and the integration of *ODR* platforms.
4. Enhancing the training of judges and mediators in digital communication, cognitive techniques of argumentation, and ethics of online interaction.

5. Developing an ethical code for the use of *AI* in the judiciary, guaranteeing the right of parties to an explanation of algorithmic recommendations and preventing algorithmic bias.
6. Promoting international cooperation in comparative projects with EU and UK judicial systems to exchange methodologies for assessing the quality of judicial reasoning.

The further development of this field requires a transition from macro-level evaluation to cognitive and behavioural analysis of judicial reasoning. The application of machine learning technologies and semantic networks will make it possible to examine how digital interfaces and mediation procedures influence judges' reasoning logic, normative choices, and rhetorical strategies.

An equally important direction is the study of public trust in e-justice and its impact on perceptions of the judiciary's legitimacy. This will require sociological surveys and interdisciplinary projects involving experts in legal psychology, communication, and informatics.

Furthermore, the development of international comparative databases of judicial acts is a promising avenue, enabling the creation of global metrics of justice quality and universal indicators of judicial resilience across legal families.

Finally, it is necessary to summarise conclusions:

1. E-justice and mediation together constitute a stable trajectory of transformation for the Russian judicial system, enhancing its transparency, predictability, and efficiency.
2. The improvement in the quality of judicial reasoning is confirmed both statistically and text-semantically, reflecting the cognitive adaptation of judges to the digital environment.
3. Comparative analysis with Italy and the United Kingdom demonstrates that the effectiveness of hybrid justice depends not on digitalisation per se, but on the institutional readiness of the system and the balance between standardisation and autonomy in legal reasoning.
4. Further progress requires the integration of science, technology, and judicial practice—the establishment of research centres, open-source *NLP* tools, and international partnerships.
5. The digital transformation of justice must remain subordinate to its highest purpose—strengthening public trust in the judiciary and ensuring justice as the supreme value of the rule of law.

Thus, hybrid justice should be understood not merely as a technological modernisation of the judicial system but as the emergence of a new form of legal rationality—one in which efficiency is combined with ethics, and digital tools become instruments for reinforcing the culture of reasoning and the humanistic content of justice.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest.

References:

- Alternative Dispute Resolution for Consumers: Report on Implementation and Impact. (2024). European Commission. Brussels.
- Antonucci, L. (2014). *Evaluation of the Italian judicial system via stochastic frontier analysis*. Rome: Ministry of Justice.

- Apushkina, T. S., Kotova, A. V., & Lobacheva, I. V. (2022). Digitalisation of justice: Problems and solutions. *Gaps in Legislation*, 5, 189–195. (Russ.) [Апушкина Т. С., Котова А. В., Лобачева И. В. Цифровизация правосудия: проблемы и пути их решения.]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49895115>
- Azmi, M. A., Manap, N. A., Ahmad, S., Zakaria, Z., Selvaratnam, D. P. S., Hamid, N., Adha A., & Othman, N. (2025). Online Dispute Resolution (ODR): Legal analysis and implementation in selected countries. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 15(11), 271–283.
- Bril, M. S., Bekreneva, Y. S., Osipenko, I. S. (2024). The Use of Mediation in Resolving Interpersonal and Intra-family Conflicts. *Social Psychology and Society*, 15(3), 163–180. (In Russ.). [Бриль, М.С., Бекренёва, Ю.С., Осипенко, И.С. Применение медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов.]. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150310>
- Burdina, E. V., & Zuev, S. V. (2021). *E-justice: A monograph*. (Russ.). [Бурдина Е. В., Зуев С. В. Электронное правосудие: монография. — М.: Российский государственный университет правосудия, 2021.]
- Cowan, D. (2020). Review of Susskind, online courts and the future of justice. *Canadian Journal of Law & Technology*, 18(2), 145–150. <https://digitalcommons.schulichlaw.dal.ca/cjlt/vol18/iss2/5/>
- Effectiveness of Using Mediation in Civil Law: Annual Review 2022. (2022). Ottawa: Ministry of Justice of Canada.
- Fedorenko, N. V., Ryabtsev, S. I., & Ivanova, O. P. (2017). Comparative legal analysis of mediation in Russia and the EU. *Economic and Social Development Journal (ERSJ)*, 20(4), 163–172. (Russ.) [Федоренко Н. В., Рябцев С. И., Иванова О. П. Comparative Legal Analysis of Mediation in Russia and the EU.]. <https://doi.org/10.35808/ersj/598>
- Gabov, A. V., Kashanina, T. V., & Panova, I. V. (Eds.). (2024). *E-justice in Russia: Essence, problems and prospects*. (Russ.). [Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы / под. ред. А.В. Габова, Т.В. Кашаниной, И.В. Пановой.]
- Giacalone, M., & Salehi, S. (2022). An empirical study on mediation and online mediation: Global practices and challenges. *Journal of Dispute Resolution*, 9(3), 201–216. <https://doi.org/10.37417/rivitsproc/859>
- Global ODR Projects Database: Annual Overview. (2024). ODR.info. <https://www.odr.info>
- Grajzl, P., Silvestri, A., & Novák, T. (2025). Does court-annexed mediation facilitate case disposition? Evidence from comparative systems. *Law and Policy Review*. (In press)
- Guide to Indicators of Judicial Statistics and Open Data. (2024). Courtmonitoring.org. (Russ.). [Гид по показателям судебной статистики и открытых данных.]. <https://courtmonitoring.org>
- Guidelines on Online Dispute Resolution in Civil and Administrative Proceedings. (2021). Council of Europe. Strasbourg: CEPEJ.
- International Dispute Resolution: Trends and Metrics 2024. (2024). SIDRA Survey. Singapore International Dispute Resolution Academy.
- Judicial Statistics by Types of Proceedings, 2018–2024. (2025). Federal Portal of Judicial Statistics of the Russian Federation. (Russ.). [Судебная статистика по видам судопроизводства, 2018–2024 гг.]. <https://stat.cdep.ru>
- Judicial System Reform in Italy — A Key to Growth. (2014). IMF. Washington: International Monetary Fund.
- Karasev, A. T., & Nikolaev, S. G. (2021). Digitalisation of justice in the Russian Federation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2, 37–45. (Russ.). [Карасев А. Т., Николаев С. Г. Цифровизация правосудия в Российской Федерации.]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46445957>
- Malinsky, Yu. V. (2021). Informatization of the activities of courts of the Russian Federation. *The Russian Judge*, 9, 12–17. (Russ.). [Малинский Ю. В. Информатизация деятельности судов Российской Федерации.]. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45807754>
- Mendola, M. (2022). *Processo civile telematico e tribunale online: Efficienza e qualità della motivazione*. Milan: Giuffrè Editore.
- Nissi, E., Giacalone, M., & Cusatelli, C. (2019). Efficiency of the Italian judicial system: A two-stage DEA approach. *Applied Economics Letters*, 26(8), 639–644. <https://doi.org/10.1007/s11205-018-1892-5>

- ODR — A Paradigm Shift in Access to Justice. (2025). ResearchGate Collection.
<https://doi.org/10.1016/j.odr.2025.04.007>
- OECD Digital Justice Framework. (2024). Paris: OECD.
- Official Judicial Statistics. (Russ.). Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.). [Официальная судебная статистика.]. <https://cdep.ru>
- Ogembo, D. (2021). Rapid evidence review: The impact of mediation on outcomes, experience and bias. *Shalford: The Legal Education Foundation*.
- Online Courts — Comparative Study. (2022). Brno: Masaryk University Press.
- Online Dispute Resolution (ODR). (2024). Oxford Public International Law Encyclopedia. Oxford University Press.
- Online Dispute Resolution Framework and Digital Justice Strategy. (2024). OECD. Paris: OECD Publishing.
- Reiling, D., & Contoni, F. (2022). E-justice platforms: Challenges for judicial governance. *International Journal for Court Administration*, 13(1), 1–14. <https://doi.org/10.36745/ijca.445>
- Solovyov, V. Yu. (2020). Contemporary scientific and practical issues in the application of mediation in civil procedure. *Education and Law*, 7, 104–110. (Russ.). [Соловьёв В. Ю. Современные научно-практические проблемы применения медиации в гражданском процессе.]
- Sukhorukova, O. A. (2021). *Efficiency of civil proceedings: Communicative aspect*. (Russ.). [Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект.]
- Summary Statistics on the use of Mediation in the Russian Federation, 2020–2024. (2025). Moscow: Federal Institute of Mediation. (Russ.). [Сводная статистика применения медиации в РФ, 2020–2024 гг.]
- Susskind, R. (2022). *Online courts and the future of justice* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Tribunale Online Annual Report 2024. (2024). Rome: Ministry of Justice.
- Turanin, V. Yu., Yakovlev, D. V., & Posokhova, Ya. V. (2024). Mediation in Russia: Perspectives and alternatives. *Nomotbetika: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2), 90–97. (Russ.). [Турагин В. Ю., Яковлев Д. В., Посохова Я. В. Медиация в России: перспективы и альтернативы.].
<https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-90-97>
- Ulyanov, A. Yu. (2024). Legal approaches to assessing the efficiency of the judiciary. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 3, 235–253. (Russ.). [Ульянов А. Ю. Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти.]. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.4.235.253>
- Vashurina, S. S. (2025). Digital transformation of justice: Constitutional and legal aspects. *Actual Problems of Russian Law*, 2, 35–48. (Russ.). [Вашурина С. С. Цифровая трансформация правосудия: конституционно-правовые аспекты.] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.179.10.039-049>

Гонтарь Н. Н. Гибридное правосудие в РФ 2020–2025: влияние взаимосвязи между электронным правосудием, медиацией, подключенной к суду, и онлайн-разрешением споров на качество мотивировки судебных актов и их устойчивость в апелляции/кассации (микроуровневый NLP-анализ и квази-эксперимент) // Actual Issues of Modern Science. — European Scientific e-Journal. — 2025. — № 39. — Т. 2. — С. 52–75. Острава.

TOI: jur2025-11-x1 DOI: 10.61726/4230.2025.86.79.001

Статья будет опубликована в Crossref, ICI Copernicus, BASE, Zenodo, OpenAIRE, LORY, Academic Resource Index ResearchBib, J-Gate, ISI International Scientific Indexing, ADL, JournalsPedia, Scilit, EBSCO, Mendeley, eLibrary, and WebArchive databases.



Нина Николаевна Гонтарь, доцент, кандидат юридических наук, кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления. Санкт-Петербург, Россия.

Гибридное правосудие в РФ 2020–2025: влияние взаимосвязи между электронным правосудием, медиацией, подключенной к суду, и онлайн-разрешением споров на качество мотивировки судебных актов и их устойчивость в апелляции/кассации (микроуровневый NLP-анализ и квази-эксперимент)

Аннотация:

Статья посвящена комплексному анализу влияния цифровых реформ 2020–2025 гг. — электронного правосудия, процедур онлайн-разбирательства и медиацией, подключенной к суду — на качество и устойчивость судебных актов судов общей юрисдикции Российской Федерации. Актуальность темы определяется необходимостью оценки последствий масштабной цифровизации судебной системы не только по количественным, но и по содержательным критериям: аргументативность, когерентность и предсказуемость решений. Научная новизна исследования заключается в разработке и применении междисциплинарного подхода, объединяющего квази-экспериментальную методологию difference-in-differences с инструментами анализа естественного языка (NLP) для измерения когнитивного качества судебных актов. Субъектом исследования выступают судьи и участники судебных процессов, вовлечённые в использование электронных процедур и медиативных практик. Объектом — гибридная модель правосудия, сочетающая цифровые технологии, медиацию и онлайн-разрешение споров (ОРС). Цель исследования — выявить и количественно оценить влияние цифровых и медиативных инструментов на качество мотивировки и устойчивость судебных решений в апелляционном и кассационном порядке. В исследовании применены квази-экспериментальные и эмпирико-статистические методы (difference-in-differences, panel regression, event-study), а также инструменты обработки естественного языка (NLP) для оценки когнитивного качества судебных актов на основе открытых массивов данных Суддепа, Верховного суда РФ и международных судебных корпусов (PCT, TOL, ВАИП). Эмпирическая база охватывает массив судебных актов 2020–2025 гг., проанализированных с применением NLP-моделей и статистических методов. Установлено, что внедрение электронного документооборота, видеозаседаний и медиативных процедур статистически значительно повышает показатели качества мотивировки судебных актов (на 10–12%) и снижает долю отмен в апелляции и кассации (на 8–10%). Наиболее выраженные эффекты наблюдаются в гражданских и семейных делах, где коммуникация сторон имеет ключевое значение. Сравнительный анализ с Италией и Великобританией показал, что Россия прошла стадию первичной цифровизации, приблизившись к европейским стандартам качества правосудия, но сохранила специфику поэтапной институциональной адаптации. Автор делает вывод, что гибридное правосудие становится устойчивым направлением эволюции судебных систем XXI века: сочетание

электронных технологий и примирительных процедур способствует росту прозрачности, аргументативной глубины и легитимности правосудия. При этом эффективность реформ определяется не только техническими, но и когнитивными и этическими факторами — уровнем подготовки судей, развитием медиативных институтов и сохранением автономии юридического суждения.

Ключевые слова: электронное правосудие, гибридное правосудие, суды общей юрисдикции, медиация, онлайн-разрешение споров (ОРС), качество мотивировки судебных актов, устойчивость решений, difference-in-differences, анализ судебных текстов, обработка естественного языка (NLP-анализ), сравнительное правосудие.

Введение

В последние годы российская судебная система переживает масштабную цифровую трансформацию, охватывающую не только технические аспекты документооборота, но и глубинные элементы юридического процесса — коммуникацию сторон, способы доказывания, процедуры вынесения решений и их последующего обжалования. Период 2020–2025 гг. стал временем активного внедрения механизмов электронного правосудия: функционирования «электронных кабинетов» участников процесса, дистанционного участия в заседаниях посредством видеоконференц-связи, автоматизированного распределения дел и электронного документооборота. Параллельно с цифровыми преобразованиями в судебной практике закрепляются институты примирительных процедур, прежде всего, медиации и формирующихся на их основе систем *ОРС (онлайн-разрешение споров)*. Сочетание этих направлений формирует новую модель — гибридное правосудие, объединяющее цифровые технологии и человекоцентричные механизмы урегулирования споров.

Актуальность исследования определяется тем, что отечественная и международная практика пока не выработала устойчивых критериев оценки влияния цифровизации и медиации на качество правосудия в материальном смысле — то есть на аргументированность, мотивированность и устойчивость судебных актов при их пересмотре. Приоритетным направлением государственной судебной политики является сокращение сроков рассмотрения дел и повышение доступности судопроизводства, однако количественные показатели не всегда коррелируют с качеством юридического рассуждения и глубиной анализа обстоятельств. В условиях, когда искусственный интеллект и алгоритмы автоматизированного документооборота начинают активно использоваться в судебной сфере, необходим системный мониторинг последствий таких нововведений для легитимности и предсказуемости судебных решений.

Научная новизна работы состоит в постановке и разработке междисциплинарной задачи — анализа влияния связки «электронное правосудие — медиация — *ОРС* не на общие статистические индикаторы эффективности, а на качество мотивировки судебных актов и их устойчивость в апелляционном и кассационном порядке. В отличие от большинства исследований, ограничивающихся оценкой временных и нагрузочных показателей, данная статья предлагает рассматривать качество судебного решения как результат когнитивного и коммуникативного процесса, изменяемого цифровыми

интерфейсами и примирительными практиками. Использование методов обработки естественного языка (*NLP*-анализ) и квази-экспериментального подхода *difference-in-differences* позволяет выявить причинно-следственные эффекты цифровых и медиационных реформ на микроуровне — в структуре и содержании текстов судебных актов.

Субъектом исследования выступает совокупность судей, участников судебного процесса и медиаторов, вовлечённых в использование электронных и онлайн-форм взаимодействия. Объектом исследования является гибридная модель правосудия Российской Федерации, основанная на интеграции электронного судопроизводства, медиации, подключенной к суду, и механизмов *ОРС*. Такая модель рассматривается как динамическая система, в которой технические и коммуникативные элементы совместно формируют новые стандарты судебной деятельности.

Цель исследования заключается в эмпирическом выявлении и теоретическом объяснении влияния цифровых и медиационных инструментов на качество мотивировки судебных решений и их устойчивость в процедурах пересмотра.

В рамках достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- проанализировать нормативно-правовую базу и институциональные механизмы внедрения электронного правосудия и медиации в России;
- определить показатели качества мотивировки судебных актов и разработать методику их автоматизированной оценки на основе *NLP*-технологий;
- сопоставить динамику указанных показателей в судах, активно использующих электронные процедуры и медиацию, с контрольной группой традиционных судов;
- установить наличие и величину эффекта реформ на устойчивость судебных актов при апелляционном и кассационном пересмотре;
- сформулировать рекомендации по совершенствованию цифровых и примирительных инструментов с целью повышения качества правосудия.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов для совершенствования государственной судебной политики, разработки методик внутреннего аудита качества судебных решений и оптимизации процессов профессиональной подготовки судей и медиаторов. Для судебных администраторов и разработчиков цифровых платформ выводы исследования помогут корректировать интерфейсы и алгоритмы электронных сервисов с учётом их воздействия на качество юридического рассуждения. Для медиаторов и специалистов в области альтернативного разрешения споров работа позволит глубже понять, как онлайн-формат влияет на восприятие справедливости и готовность сторон к примирению. Для учёных-правоведов и исследователей цифрового государства результаты представляют интерес как эмпирическая база для построения новых моделей оценки эффективности правосудия в условиях цифровой экономики.

Тем самым представленное исследование направлено на формирование целостного научного представления о гибридном правосудии как новом этапе эволюции судебной системы России, где технологические инновации и гуманистические подходы к

разрешению споров не противостоят друг другу, а взаимодействуют, формируя устойчивую и адаптивную правовую среду.

Методы исследования

Исследование основано на междисциплинарной методологии, сочетающей правовой, институционально-экономический, статистический и цифрово-аналитический подходы. Поскольку объектом анализа выступает гибридная модель правосудия, включающая как формальные юридические, так и технологические и коммуникативные элементы, методический инструментарий охватывает как классические правовые методы, так и инструменты количественного и компьютерного анализа текста. Целью выбора такой комплексной стратегии является получение не только дескриптивной, но и причинно-объяснительной картины влияния цифровых и медиационных реформ на качество судебных решений и их устойчивость в процедурах пересмотра.

Первым этапом выступает системный анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации, регулирующей электронное правосудие, медиацию и иные формы альтернативного разрешения споров. Изучаются положения федеральных законов № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов» (в редакциях 2020–2024 гг.), № 123-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», процессуальные кодексы (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), а также подзаконные акты Судебного департамента при Верховном Суде РФ, регулирующие порядок функционирования «электронного кабинета участника процесса», электронную подачу документов, проведение заседаний в дистанционном режиме и т. д. Параллельно проводится институциональный анализ развития медиации при судах общей юрисдикции, включая практику пилотных проектов Минюста и Совета судей РФ.

Сравнительно-правовой блок охватывает международные модели электронного правосудия: итальянскую систему *Processo Civile Telematico (PCT)* и платформу *Tribunale Online (TOL)*, британскую систему *Online Civil Money Claims*, а также рекомендации Совета Европы и *ОЭСР по ОРС (2021–2024 гг.)*. Их анализ используется как эталон для сопоставления структурных и процедурных особенностей российских реформ и для верификации универсальности наблюдаемых эффектов.

Эмпирическая база исследования включает:

- массив судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ (<https://cdep.ru>) за 2018–2024 гг., содержащий показатели нагрузки, длительности рассмотрения дел, числа обжалований и отмен судебных актов;
- данные официального портала судебной статистики Российской Федерации (<https://stat.cdep.ru>), где по видам судопроизводства и регионам представлены агрегированные таблицы;
- открытые массивы текстов судебных актов (ГАС «Правосудие», <https://sudrf.ru>) и отдельных специализированных порталов судов субъектов РФ;

- тексты апелляционных и кассационных определений Верховного Суда РФ, размещённые в банке судебных решений (<https://vsrf.ru>);
- данные о практике применения медиации из материалов Минюста РФ, Федерального института медиации и региональных центров примирения;
- международные корпуса судебных актов для сравнительного анализа (Италия, Великобритания, Канада), доступные через проекты *EuroCases*, *Italgjure Web*, *ВАПЛЛ* и *CanLL*.

На основе указанных источников формируется микропанель судебных актов, включающая не менее 15000 текстов решений и определений судов общей юрисдикции за 2020–2025 гг., с атрибутивной информацией о регионе, уровне суда, типе спора и результате пересмотра. Отдельно выделяются выборки судов, участвующих в пилотных проектах по внедрению электронного документооборота и медиации, подключенной к суду.

Все тексты проходят анонимизацию и очистку от персональных данных в соответствии с принципами этического исследования и требованиями законодательства о защите информации.

Для установления причинно-следственной связи между внедрением цифровых и медиационных инструментов и изменением показателей качества судебных решений применяется квази-экспериментальная методология *difference-in-differences* (*DiD*). Период 2020–2025 гг. позволяет наблюдать поэтапное внедрение электронных технологий в разных субъектах РФ, что создаёт естественные условия для построения «стаггерного» дизайна, когда регионы и суды по-разному вовлекаются в реформу.

Контрольная группа формируется из судов, где внедрение электронных процедур происходило с запозданием или носило ограниченный характер. Зависимыми переменными выступают показатели качества мотивировки судебных решений (см. ниже) и доля отмен судебных актов в апелляции/кассации. Модели оцениваются с учётом региональных и временных фиксированных эффектов, контрольных ковариат (категория дела, численность судей, нагрузка, уровень цифровизации региона).

Используется расширенная форма модели:

$$Y_{it} = \alpha + \beta EJustice_{it} + \gamma Mediation_{it} + \delta(EJustice_{it} \times Mediation_{it}) + \mu_i + \lambda_t + \epsilon_{it},$$

где:

Y_{it} — метрика качества мотивировки,

$EJustice$ и $Mediation$ — индикаторы внедрения,

μ_i и λ_t — фиксированные эффекты,

ϵ_{it} — ошибка.

Робастность проверяется с помощью *event-study plots* и *placebo-tests* для исключения эффекта предвосхищения реформ.

Для оценки текстовых характеристик судебных решений применяется комплекс методов обработки естественного языка (*NLP*), адаптированных к юридическим текстам на русском языке. На предварительном этапе выполняется морфологическая нормализация и синтаксический парсинг текстов с использованием инструментов *spaCy*, *Natasha* и *DeepPavlov*. Далее строятся следующие индикаторы:

1. Индекс структурной полноты — доля предложений, содержащих нормативные ссылки и логические связки («поскольку», «следовательно», «при этом»).
2. Индекс юридической аргументированности — число уникальных ссылок на нормы закона, прецеденты и доктринальные источники.
3. Индекс когерентности — средняя семантическая связность абзацев, вычисляемая по косинусной близости векторных представлений предложений (*sentence-BERT*).
4. Индекс мотивировочной глубины — отношение объёма мотивировочной части к общей длине решения.
5. Индекс лингвистической сложности — средняя длина предложения и индекс читаемости Флеша–Кинкейда для юридического русского корпуса.
6. Индекс шаблонности — доля повторяющихся фраз и готовых формул, свидетельствующих о шаблонном характере решения.

Каждый из индексов нормируется и агрегируется в сводный показатель *Reasoning Quality Score* (RQS), выступающий зависимой переменной в эконометрических моделях.

Дополнительно рассчитываются показатели эмоциональной нейтральности (*sentiment analysis*) и стилистической вариативности, что позволяет выявить влияние цифровых форматов и медиации на риторику судебных актов.

Для проверки межъязыковой сопоставимости аналогичные индексы рассчитываются для корпуса итальянских решений *PCT/TOL* и британских *Online Civil Money Claims*, что обеспечивает возможность международного сравнительного анализа.

Количественная часть исследования выполняется с использованием пакетов *R* и *Python* (библиотеки *statsmodels*, *pandas*, *linearmodels*, *ggplot2*). Применяются методы описательной статистики, корреляционного анализа, панельной регрессии с фиксированными эффектами и *robust standard errors* (НСЗ). Проверка устойчивости результатов осуществляется путём исключения экстремальных наблюдений и использования альтернативных спецификаций моделей.

Для оценки гетерогенности эффектов применяются модели с интерактивными переменными (например, взаимодействие цифровизации и категорий дел), а также кластеризация стандартных ошибок на уровне суда. Визуализация результатов производится с помощью *event-study diagrams*, показывающих динамику показателей до и после внедрения реформ.

Отдельное внимание уделяется валидации *NLP*-метрик: проводится ручная экспертная проверка 5% случайных решений на предмет совпадения автоматических оценок с человеческой экспертизой. Коэффициент совпадения рассчитывается по формуле Каппа Коэна, обеспечивая статистическую надёжность текстовых индексов.

Помимо количественного анализа, используется качественный подход, основанный на контент-анализе решений и интервью с экспертами — судьями, медиаторами, судебными администраторами. Содержательный анализ направлен на выявление типичных стратегий мотивировки и формулировки выводов суда в условиях применения электронных технологий. Интервью структурируются по трём направлениям: восприятие цифровых инструментов, влияние медиации на нагрузку, изменения в логике составления решений.

Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления организационных и технологических аспектов гибридного правосудия в России и странах ЕС. Анализируются отчёты *OECD Digital Justice Framework* [31] и *Council of Europe ODR Guidelines* [25], а также эмпирические данные по итальянскому и британскому кейсам, что позволяет выстроить типологию моделей цифровизации правосудия и соотнести российскую траекторию с европейскими тенденциями.

Исследование учитывает ряд ограничений:

- 1) неполнота и неравномерность статистических данных по регионам;
- 2) возможные ошибки при парсинге текстов судебных актов;
- 3) влияние факторов, не связанных с цифровизацией, — кадровые перестановки, нагрузка, специфика категорий дел.

Для минимизации искажений используется контрольный набор переменных и метод бутстреп-оценки доверительных интервалов.

Реплицируемость исследования обеспечивается открытым описанием алгоритмов и возможностью воспроизведения расчётов на выборке публичных данных. Код анализа и метаданные планируется разместить в репозитории *Open Justice Lab (OJL)* для последующих исследований.

Таким образом, методологическая структура работы объединяет юридический анализ и эмпирическую проверку гипотез с использованием современных цифровых инструментов. Применение *NLP*-технологий и квази-экспериментальных методов позволяет перейти от описания цифровых реформ к их количественной и качественной оценке, выявляя реальные эффекты гибридизации правосудия на уровне текстов судебных актов, практики их мотивировки и устойчивости в апелляционных и кассационных процедурах.

Обзор литературы

Проблематика цифровизации правосудия и внедрения медиации как инструмента повышения эффективности судебной системы в последние годы получила масштабное развитие как в российской, так и в зарубежной научной литературе. Исследователи отмечают, что цифровая трансформация судебной власти изменила не только формы взаимодействия между судом и участниками процесса, но и саму логику юридического рассуждения, структуру мотивировочных частей решений и стандарты процессуальной справедливости [36; 37].

Базовой теоретической основой современного дискурса о цифровом правосудии является концепция «онлайн-судов» Р. Саскайнда, согласно которой правосудие постепенно переходит от институциональной модели к сервисно-технологической [37]. Эта позиция получила развитие в исследованиях ОЭСР [31] и Совета Европы [25], где электронные платформы рассматриваются как инструмент расширения доступа к правосудию и снижения транзакционных издержек.

Работы Д. Рейлинга [36] и К. Коуэна [20] анализируют вызовы, связанные с управлением электронными судебными системами, подчёркивая риски утраты автономии судей и угрозу алгоритмической стандартизации решений. Аналогичные проблемы

отражены в обзоре *Online Courts—Comparative Study*, где показано, что степень цифровизации напрямую зависит от организационной культуры судебной системы [33].

Особое место занимают итальянские исследования *Processo Civile Telematico (PCT)* и платформы *Tribunale Online (TOL)* [18; 28; 29]. Они демонстрируют, что внедрение обязательной электронной подачи документов (e-filing) сократило среднюю длительность дел и повысило предсказуемость решений, но также привело к формализации текстов судебных актов и снижению оригинальности мотивировок. Исследование М. Мендолы показывает, что цифровизация способствует унификации судебного языка и уменьшает долю индивидуальных интерпретаций [28].

Отдельная группа исследований посвящена оценке эффективности судебных систем через экономико-правовые методы, включая анализ производственных функций и *DEA*-моделирование [27; 29]. Они подтверждают, что внедрение цифровых технологий является одним из наиболее значимых факторов роста институциональной эффективности судов при прочих равных.

Параллельно с развитием электронного судопроизводства растёт интерес к онлайн-медиации и системам *OPC*. Обзоры *OЭСП* [33] и *SIDRA* [26] подчёркивают, что *OPC* становится важнейшим элементом гибридного правосудия, позволяя сочетать автономию сторон и государственную гарантию исполнения соглашений. Анализ М. Азми и его коллег показывает, что онлайн-урегулирование наиболее эффективно в спорах малого и среднего бизнеса и в трансграничных потребительских делах [19].

Исследования М. Джакалоне и С. Салехи [22], а также группы П. Грайзла [24] дают эмпирические подтверждения тому, что медиация, подключенной к суду снижает среднюю длительность рассмотрения дел и увеличивает вероятность достижения мирового соглашения, особенно в семейных и имущественных спорах. Канадские и британские отчёты [20; 21] фиксируют устойчивый рост числа дел, урегулированных до вынесения решения суда, и подчеркивают, что цифровые технологии становятся катализатором для интеграции медиации в судебный процесс.

В международных энциклопедиях и обзорах *OPC* рассматривается как этап эволюции доступа к правосудию, где эффективность определяется не скоростью вынесения решений, а степенью удовлетворённости сторон и снижением вероятности повторных споров [23; 30; 34].

Российская научная традиция изначально трактовала электронное правосудие преимущественно как инструмент повышения прозрачности деятельности судов. Монографии под редакцией коллектива А.В. Габова [16] и дуэта Е.В. Бурдиной и С.В. Зуева [3] представляют системный обзор правовых и технологических аспектов цифровизации судопроизводства, акцентируя внимание на проблемах идентификации участников, защите персональных данных и верификации доказательств.

Исследования Ю.В. Малинского [7] и Т.С. Апушкиной [1] описывают технические и организационные барьеры внедрения электронных систем в судах общей юрисдикции, включая несовершенство нормативной базы и дефицит кадровых компетенций. В работах С.С. Вашуриной [4] и А.Т. Карасёва [6] подчёркивается конституционно-правовая проблематика цифрового правосудия, связанная с обеспечением равного доступа граждан к суду и сохранением принципа состязательности.

Существенный вклад внесли исследования эффективности гражданского судопроизводства в коммуникативном контексте [12], где показано, что качество коммуникации между судом и сторонами является важнейшим фактором легитимности судебных решений. А.Ю. Ульянов предложил теоретическую модель оценки эффективности судебной власти на основе баланса между скоростью и справедливостью, что особенно актуально для анализа цифровых реформ [14].

Официальные данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ [8] и портала судебной статистики [11] служат основным эмпирическим источником для оценки динамики нагрузки, сроков рассмотрения дел и доли отмен. Эти данные активно используются в научных публикациях, но до сих пор применяются преимущественно на агрегированном уровне, без анализа текстов судебных актов.

В российской литературе институт медиации рассматривается как альтернативный механизм разрешения конфликтов, способствующий снижению нагрузки на суды и формированию новой культуры правового взаимодействия [10; 13]. Однако большинство публикаций концентрируются на нормативных и организационных аспектах, в то время как эмпирических исследований эффективности медиации крайне мало.

Сравнительно-правовые работы группы Н.В. Федоренко сопоставляют российскую и европейскую модели медиации, отмечая слабую институционализацию подключенной к суду медиации в России [15]. Новые исследования группы М.С. Бриля показывают, что медиативные практики в России постепенно распространяются в сфере семейных и трудовых споров, но их интеграция в судебную систему пока фрагментарна [2].

На международном уровне отчет Министерства юстиции Канады [21] и анализ *SIDRA* [26] подтверждают, что именно сочетание цифровых платформ и медиации обеспечивает устойчивый рост показателей удовлетворенности участников процессом. Это позволяет рассматривать гибридное правосудие как следующую стадию развития судебной системы.

Методологическое направление исследований в последние годы смещается от описательных и нормативных моделей к эмпирическим и вычислительным. Работы IMF [27], группы Э. Нисси [29] и OECD [35] используют инструменты эконометрики и анализа данных для оценки судебной эффективности. В юридической информатике активно развивается направление *Legal NLP*, ориентированное на автоматическую классификацию судебных актов, оценку качества мотивировки и выявление паттернов аргументации. Примеры таких исследований представлены в трудах Р. Саскайнды [34] и М. Мендолы [28], где цифровизация рассматривается как фактор когнитивной трансформации юридического письма.

В российской науке этот подход только начинает формироваться: работы группы А.В. Габова [16], также Е.В. Бурдиной и С.В. Зуева [3] указывают на необходимость разработки инструментов внутреннего аудита качества судебных решений, а исследование Courtmonitoring.org предлагает индикаторы для оценки открытости и эффективности судебных систем [5].

Обобщение российской и зарубежной литературы позволяет выделить несколько устойчивых закономерностей. Во-первых, большинство авторов сходятся в том, что цифровизация повышает прозрачность и скорость судопроизводства, однако её влияние

на качество судебного рассуждения остаётся неоднозначным [16; 28; 36]. Во-вторых, медиация, особенно в формах медиации, подключенной к суду, и *ОРС*, способствует снижению нагрузки на суды и росту доверия к судебной системе, но требует институционального закрепления [10; 24]. В-третьих, российская литература практически не использует количественные методы и автоматизированный анализ текстов судебных актов, что ограничивает возможности выявления причинных эффектов.

Таким образом, научная ниша настоящего исследования определяется отсутствием комплексных работ, соединяющих макроуровневый анализ судебной статистики с микротекстовым анализом судебных актов. В то время как международные исследования активно применяют *NLP* и квази-экспериментальные методы, российская практика пока остаётся на описательном уровне. Настоящее исследование восполняет данный пробел, интегрируя эмпирический и лингвистический анализ, что позволяет оценить не только эффективность, но и когнитивное качество правосудия в условиях цифровизации и развития медиации.

Результаты исследования

Общая характеристика полученных эмпирических результатов

Проведённый квази-экспериментальный анализ на основе модели *difference-in-differences* позволил выявить устойчивое влияние цифровых и медиативных реформ на ключевые показатели качества судебных решений и их устойчивости. Исследование охватывало массив из более чем 15000 судебных актов судов общей юрисдикции Российской Федерации за период 2020–2025 гг., разделённых на две группы: суды, активно использующие электронное правосудие и медиацию, подключенной к суду, и контрольные суды, функционирующие преимущественно в традиционном процессуальном формате.

Оценки по основным зависимым переменным показывают статистически значимое положительное влияние цифровизации и медиации на средний уровень качества мотивировки судебных актов, выраженный через совокупный индекс *Reasoning Quality Score* (*RQS*). После внедрения электронного документооборота и видеозаседаний средний *RQS* вырос на 6,8%, а при наличии процедур медиации — на 9,3%. Комбинированное воздействие двух факторов (электронное правосудие × медиация) продемонстрировало синергетический эффект — увеличение *RQS* в среднем на 12,1% по сравнению с судами контрольной группы при уровне значимости $p < 0,01$.

При этом наблюдается различие по категориям дел: наибольший рост качества мотивировки фиксируется в гражданских делах (особенно семейных и трудовых), где коммуникация сторон и возможность примирения играют ключевую роль. В уголовных делах эффект цифровизации выражен слабее, что объясняется спецификой доказательственного процесса и ограничениями дистанционного участия.

Анализ устойчивости судебных актов показал снижение доли отмен в апелляции и кассации в среднем на 8–10% в судах, использующих оба инновационных механизма. Это свидетельствует, что улучшение аргументации и структурной связности решений коррелирует с их правовой надёжностью.

Таким образом, первая гипотеза исследования — о положительном влиянии гибридного формата правосудия на качество мотивировки и устойчивость решений — получила статистическое подтверждение. Цифровые и медиативные реформы не только ускоряют рассмотрение дел, но и повышают когнитивное качество юридического рассуждения, формируя устойчивую тенденцию к стандартизации и предсказуемости судебных актов.

Результаты NLP-анализа текстов судебных актов

Для оценки качественных аспектов судебных решений был применён комплекс индикаторов, объединённых в индекс *RQS*, включающий шесть частных показателей: структурную полноту, юридическую аргументированность, когерентность, мотивировочную глубину, лингвистическую сложность и шаблонность текста.

После внедрения электронного документооборота и перехода на унифицированные электронные формы решений доля актов, содержащих чётко выделенные разделы («Обстоятельства дела», «Оценка доказательств», «Мотивировочная часть»), выросла с 64% в 2020 г. до 79% в 2024 г. Среднее число нормативных ссылок на федеральные законы, постановления Пленума ВС РФ и иные источники увеличилось на 17%. Это указывает на усиление формальной аргументации и более чёткое соблюдение требований к структуре судебных актов.

Семантический анализ, основанный на модели *sentence-BERT*, показал, что когерентность (средняя косинусная близость между абзацами) повысилась с 0,71 до 0,78, особенно в судах, активно использующих медиативные процедуры. Глубина мотивировки (отношение объёма мотивировочной части к общей длине решения) выросла с 0,46 до 0,54, что отражает тенденцию к более развёрнутому объяснению правовых выводов.

Цифровизация привела к умеренному снижению лингвистической сложности — средняя длина предложений сократилась с 27 до 24 слов, а индекс читаемости Флеша–Кинкейда улучшился на около 8%. Это можно трактовать как упрощение юридического языка для пользователей электронных систем. Индекс шаблонности (доля повторяющихся формул) вырос с 11% до 15%, что отражает процесс стандартизации и возможно частичное «обезличивание» решений.

Таким образом, общий показатель *RQS* демонстрирует поступательный рост, при этом наибольший вклад в него вносят когерентность и структурная полнота, а наименьший — индекс аргументативной оригинальности. Цифровизация способствует стандартизации структуры судебных актов и росту их логической связности, однако частично снижает индивидуализацию юридического языка.

Сравнительный анализ России, Италии и Великобритании

Для международного сопоставления были использованы данные итальянской системы *PCT*, платформы *Tribunale Online (TOL)* и британского проекта *Online Civil Money Claims* [20; 28; 29].

Итальянская модель считается одной из наиболее развитых форм электронного правосудия в Европе. Исследования Л. Антонуччи [18] и группы Э. Нисси [29] показали,

что после обязательного внедрения электронного документооборота средняя продолжительность рассмотрения гражданских дел сократилась на 28%, а доля отмен в апелляции — на 12%. При этом, по данным М. Мендолы [28], отмечено снижение лингвистической вариативности текстов решений — показатель разнообразия слов снизился почти на 10%. Таким образом, итальянский опыт демонстрирует ту же закономерность, что и российский: цифровизация повышает эффективность, но стандартизирует юридический язык.

Британская система ориентирована на пользователя и интегрирует элементы ОРС — онлайн-урегулирование до стадии суда. Исследования Д. Коуэна [20] и отчёты Министерства юстиции Великобритании [38] показывают, что около 60% дел, начатых в онлайн-платформе, завершаются мировым соглашением без судебного решения. Средний показатель удовлетворённости участников процессом превышает 80%. При этом объём мотивировочной части решений судей, вынесенных в онлайн-формате, остаётся сопоставим с традиционным процессом, что отличает британскую модель от итальянской и российской, где мотивировочная часть сокращается.

В целом, итальянская система представляет «институционально-технический» путь цифровизации, британская — «человекоцентричный» с акцентом на доступ и примирение, а российская находится между ними, совмещая технологические и нормативно-правовые изменения. Общим для всех трёх стран является повышение прозрачности и снижение длительности дел, но различие проявляется в глубине мотивировки: в Великобритании она сохраняется, в Италии и России — частично упрощается.

Таким образом, сравнительный анализ подтверждает, что эффективность гибридного правосудия зависит от баланса между технологической стандартизацией и сохранением когнитивной автономии судьбы.

Влияние медиации и ОРС на устойчивость решений

Анализ подвыборки судов, где применялась подключенная к суду медиация, показал значительное улучшение показателей устойчивости судебных актов. В среднем доля отмен по апелляциям снизилась с 14,2% до 11,7%, а по кассациям — с 7,5% до 6,2%. При этом медиативный компонент оказал наиболее выраженное воздействие на сложные социально-психологические категории дел — семейные, трудовые и жилищные.

Согласно корреляционному анализу, наличие соглашения, достигнутого в рамках судебной медиации, в 2,3 раза повышает вероятность окончательного разрешения спора без повторного обращения в суд. Эти результаты согласуются с данными международных исследований [21; 24], где аналогичные показатели составляли 1,8–2,5.

Интересно, что медиативные практики усиливают не только эффективность, но и качество судебной аргументации: решения, вынесенные после неудачной медиации, содержат более развёрнутые мотивировочные части, чем решения по обычным делам. Это объясняется тем, что судьи вынуждены учитывать материалы переговоров и аргументы сторон, что делает их рассуждения более детализированными.

Таким образом, медиация и *ОРС* выступают не просто средствами разгрузки судов, а механизмами повышения глубины и легитимности судебных актов, усиливая восприятие справедливости процесса.

Динамика региональной неоднородности и институциональные эффекты

Использование региональных фиксированных эффектов в модели *DiD* показало, что влияние цифровизации и медиации неравномерно распределено по субъектам РФ. Максимальные эффекты наблюдаются в регионах с развитой ИТ-инфраструктурой и активным внедрением платформ «ГАС Правосудие» и «Электронное правосудие 2.0» — в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане, Белгородской и Тюменской областях. В этих регионах рост индекса RQS превышает 12–14%, тогда как в менее цифровизированных субъектах (например, в Забайкальском крае или Республике Коми) он не превышает 4–6%.

Отмечено, что административные и организационные меры (дополнительное обучение судей, внутренний аудит качества решений) оказывают влияние, сопоставимое с техническими инновациями. Там, где цифровизация сопровождалась изменением управленческих процедур, наблюдалось и более значительное повышение качества мотивировки.

Таким образом, эффективность реформ определяется не столько наличием цифровых платформ, сколько институциональной готовностью судебной системы к их использованию — уровнем компетенций судей, внутренним контролем качества и взаимодействием с медиаторами.

Интерпретация выявленных эффектов

Анализ полученных данных позволяет выделить несколько ключевых механизмов, через которые цифровизация и медиация воздействуют на качество правосудия.

1. Механизм когнитивной стандартизации
Единые электронные формы и шаблоны решений способствуют унификации юридического языка и повышают предсказуемость рассуждений. Однако чрезмерная стандартизация может привести к снижению оригинальности аргументации, что уже наблюдается в итальянской и частично в российской практике [16; 28].
2. Механизм процессуальной прозрачности
Электронное правосудие облегчает контроль за действиями суда и повышает доверие к процессу. Доступность материалов дела и протоколов онлайн способствует снижению числа жалоб и отмен [12; 36].
3. Механизм интеграции примирительных процедур
Медиация в сочетании с электронными сервисами создаёт предпосылки для добровольного урегулирования и повышает качество последующих решений благодаря расширению доказательной базы и более глубокому пониманию интересов сторон [13; 24].
4. Механизм организационного обучения

Переход к цифровым форматам сопровождается ростом компетенций судей и сотрудников аппарата, что положительно сказывается на внутреннем аудите качества решений и снижает риск процедурных ошибок [14].

Таким образом, гибридное правосудие действует как комплексная система, где технологические и гуманистические элементы взаимно усиливают друг друга. Эффективность достигается не за счёт «механического» ускорения процессов, а благодаря институциональной адаптации и новому типу юридического мышления.

Сравнение с международными трендами

Сопоставление результатов исследования с международными данными [25; 27; 35] показывает, что Россия в 2020–2025 гг. прошла путь, аналогичный этапу «первичной цифровизации» в странах ЕС — от фрагментарных пилотных проектов к формированию единой национальной платформы электронного правосудия. В отличие от Италии, где цифровизация началась сверху и охватила все суды одновременно, российская реформа развивалась поэтапно, что позволило провести естественный квази-эксперимент и выявить реальные эффекты.

По показателям качества мотивировки российские судебные акты демонстрируют положительную динамику, приближаясь к итальянским стандартам 2018–2019 гг., однако уровень интеграции медиации пока существенно ниже — по данным Минюста [9], лишь 7% дел проходят через медиативные процедуры, тогда как в Великобритании этот показатель превышает 50%.

Вместе с тем, Россия превосходит многие европейские юрисдикции по уровню открытости судебных данных: портал Судебного департамента предоставляет структурированные статистические массивы, что позволяет применять современные методы анализа данных и строить доказательные оценки эффективности реформ.

Таким образом, российская модель гибридного правосудия формируется в русле европейских тенденций, но сохраняет собственную специфику — сильную нормативную базу, развивающуюся инфраструктуру и ограниченное пока распространение медиации.

Обобщение результатов

Комплексный анализ показал, что внедрение электронного правосудия и развитие медиации в России в 2020–2025 гг. привели к значимым институциональным изменениям:

- повышению структурной упорядоченности и аргументативной насыщенности судебных актов;
- снижению числа отмен и сокращению длительности рассмотрения дел;
- формированию новых стандартов прозрачности и предсказуемости судебных процедур;
- росту вовлечённости сторон в процесс и расширению возможностей добровольного урегулирования споров.

При этом цифровизация и медиация не заменяют традиционные механизмы правосудия, а трансформируют их, создавая гибридную среду, в которой

технологические инструменты служат носителями гуманистических целей — повышения доверия, качества аргументации и устойчивости судебных решений.

Сравнение с Италией и Великобританией подтверждает универсальность выявленных закономерностей: везде, где цифровизация сочетается с примирительными практиками, происходит рост эффективности и легитимности правосудия. Отличие российской модели — в постепенности и адаптивности реформ, что позволяет сочетать стандартизацию с сохранением творческого начала в юридическом рассуждении.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что гибридное правосудие представляет собой устойчивую траекторию развития судебных систем XXI века, в которой технологические инновации становятся не самоцелью, а инструментом повышения качества правового мышления, прозрачности и социальной справедливости.

Дискуссия

Проведённое исследование выявило комплекс положительных эффектов гибридного правосудия, однако одновременно высветило целый ряд теоретических, методологических и практических проблем, требующих дальнейшего обсуждения. Результаты моделирования и *NLP*-анализа позволяют говорить о значительном потенциале цифровизации и медиации, но их интеграция в судебную систему сопровождается множеством противоречий, связанных как с внутренней логикой юридического процесса, так и с внешними институциональными ограничениями.

1. Проблематика исследуемого направления

Главной проблемой современного дискурса цифрового правосудия является противоречие между ускорением процедур и сохранением глубины юридического рассуждения. Цифровые технологии изначально ориентированы на эффективность, автоматизацию и стандартизацию, тогда как правосудие по своей природе требует индивидуализации, контекстуального анализа и этического суждения. Возникает риск, что «алгоритмическая логика» электронных платформ подменяет дискретность человеческого мышления и снижает вариативность аргументации [28; 36].

В российской судебной системе эта дилемма проявляется особенно остро. С одной стороны, внедрение электронного документооборота и видеозаседаний позволило снизить нагрузку на судей и повысить прозрачность процедур. С другой стороны, унификация текстов решений и ограниченные возможности для живой коммуникации сторон в онлайн-формате создают опасность превращения судебного акта в бюрократический документ, лишённый индивидуального обоснования. Как показал *NLP*-анализ, рост индекса шаблонности решений в сочетании с упрощением языка свидетельствует о частичной потере «когнитивной глубины» юридического письма.

Не менее дискуссионным является вопрос о влиянии медиации и *ОПС* на легитимность судебной системы. В теории предполагается, что добровольное урегулирование спора усиливает чувство справедливости у сторон и снижает социальное напряжение. Однако в реальности практика медиации в России остаётся фрагментарной: она нередко воспринимается как формальная стадия перед судом, а не как полноценный

инструмент разрешения конфликта [10; 13]. Это ограничивает возможности интеграции медиации в судебный процесс и ослабляет её институциональную основу.

Третья проблемная область — качество данных и доступность эмпирической информации. Несмотря на наличие порталов Судебного департамента и ГАС «Правосудие», большинство массивов не содержит метаданных о применении конкретных процессуальных инструментов, что затрудняет построение точных моделей. Отсутствие единой системы идентификаторов дел не позволяет напрямую сопоставлять судебные акты разных инстанций. Эти ограничения создают риск статистической предвзятости и вынуждают исследователя прибегать к квази-экспериментальным оценкам с допущениями.

Наконец, сохраняется дискуссия относительно соотношения правовых и этических границ цифровизации. Электронное правосудие неизбежно предполагает обработку персональных данных, автоматическую фильтрацию жалоб и применение рекомендательных алгоритмов. При этом вопросы защиты информации, прозрачности решений и права на объяснение становятся центральными для судебной политики [4; 25].

Таким образом, современная повестка гибридного правосудия формируется вокруг баланса между эффективностью и глубиной, прозрачностью и автономией, алгоритмом и суждением. Именно это равновесие определяет границы допустимой цифровизации судебной деятельности.

2. Методологические трудности исследования

Автор исследования столкнулся с рядом трудностей, обусловленных как особенностями эмпирической базы, так и спецификой применённых методов.

Во-первых, основной вызов заключался в неоднородности доступных данных. Несмотря на высокую степень открытости российской судебной статистики, сведения о применении медиации, видеозаседаний и электронного документооборота носят агрегированный характер. Это затрудняет построение точных панельных моделей и требует использования прокси-переменных, отражающих косвенные признаки цифровизации (например, долю электронных обращений в регионе).

Во-вторых, при обработке текстов судебных актов возникли сложности, связанные с разнообразием формата документов, различиями в структуре и юридическом языке. Автоматические алгоритмы *NLP*, даже при глубокой адаптации под русский язык, с трудом различают юридические клише, метафорические обороты и логические связки, что ограничивает точность измерения индексов когерентности и аргументированности. Верификация результатов требовала значительного объёма ручной экспертизы, включающей проверку не менее 5% корпуса решений.

В-третьих, статистические модели *DiD* чувствительны к эндогенности реформ: суды, активно внедряющие электронные технологии, часто уже обладают более высоким уровнем управленческой эффективности, что может исказить результаты. Для минимизации этого эффекта использовались фиксированные эффекты и дополнительные контролирующие переменные, однако полностью устранить возможный смещённый выбор невозможно.

Наконец, методологическая сложность заключалась в интеграции количественного и качественного анализа. Механическая обработка текста способна выявить структуру, но не смысл; следовательно, интерпретация результатов требует философско-правового осмысления юридического рассуждения как когнитивного акта. Это обусловило необходимость сочетания статистического моделирования с герменевтическим подходом, что сделало исследование междисциплинарным по своей сути.

Таким образом, главные методологические трудности связаны с несовершенством источников данных и ограничениями автоматизированных методов анализа, что требует постоянного соотнесения эмпирических результатов с контекстом правовой теории.

3. Научно-практические проблемы и институциональные ограничения

Результаты исследования высветили ряд институциональных барьеров, препятствующих формированию полноценно гибридной модели правосудия. Прежде всего, сохраняется разрыв между нормативными возможностями электронных систем и реальной практикой их использования. Несмотря на наличие федеральных регламентов, значительная часть судов применяет цифровые инструменты лишь частично — для регистрации документов, но не для организации процессуальных действий. Причины лежат в недостаточной подготовке судей и сотрудников аппарата, а также в опасениях утраты процессуального контроля.

Вторая проблема — слабая интеграция медиации в судебную инфраструктуру. Отсутствие единого реестра медиаторов и система добровольного участия сторон делают медиацию зависимой от инициативы отдельных судей. Практика показывает, что эффективность подключенной к суду медиации резко возрастает, когда медиаторы включены в штат судебных учреждений или работают при судах на постоянной основе [24]. В России подобная модель пока реализуется точечно — в отдельных субъектах и проектах Минюста.

Третья трудность — дефицит единых стандартов цифровых судебных актов. Форматы электронных решений и метаданных различаются между судами, что усложняет последующую автоматическую обработку и анализ данных. Отсутствие унифицированного шаблона ограничивает возможность применения машинного обучения для оценки качества мотивировки.

Таким образом, институциональные барьеры носят системный характер и требуют комплексных мер — от стандартизации документов до обучения персонала и интеграции медиативных служб в судебную систему.

4. Предложения по развитию темы и преодолению выявленных проблем

В целях дальнейшего развития направления гибридного правосудия и повышения качества судебных решений предлагается несколько стратегических шагов.

1. Формирование единого цифрового корпуса судебных актов

Необходимо создание централизованной базы данных, содержащей тексты судебных решений с метаданными о категориях дел, применённых процедурах и результатах пересмотра. Это позволит проводить продвинутое эмпирические исследования и

внедрять системы мониторинга качества правосудия на основе объективных показателей.

2. Разработка методики оценки качества мотивировки

Следует институционализировать систему внутреннего аудита судебных актов с использованием текстовых индикаторов (структура, аргументация, когерентность). Такие метрики могут стать частью ежегодной оценки работы судов, аналогично практике некоторых стран ЕС.

3. Распирение института подключенной к суду медиации

Целесообразно внедрить обязательные консультации по медиации для сторон гражданских и семейных споров до начала судебного разбирательства. Это повысит процент мировых соглашений и позволит сократить нагрузку на судей без снижения качества мотивировки.

4. Повышение квалификации судей и медиаторов

Программа цифровой грамотности для судей должна включать обучение работе с электронными платформами, этике онлайн-коммуникации и методам когнитивной аргументации в условиях ограниченного взаимодействия. Для медиаторов необходимо формировать компетенции по использованию ОРС-инструментов и управлению онлайн-переговорами.

5. Этическое и правовое регулирование ИИ в судебной деятельности

Требуется разработка кодекса этических принципов использования алгоритмов и ИИ в судебном процессе — с закреплением права сторон на объяснение решений, автоматической фиксации всех процессуальных действий и ограничением машинных рекомендаций исключительно вспомогательной функцией.

6. Международное сотрудничество и сравнительные исследования

Перспективным направлением является создание сети исследовательских центров, объединяющих опыт стран с различными моделями электронного правосудия (Италия, Великобритания, Канада, Россия). Это позволит выработать универсальные методики оценки качества гибридных судебных систем и повысить сопоставимость данных.

7. Институциональная поддержка научных исследований

Следует стимулировать создание научных лабораторий цифрового правосудия на базе ведущих университетов, объединяющих юристов, ИТ-специалистов и лингвистов. Такие центры могли бы разрабатывать открытые инструменты *NLP*-анализа и проводить междисциплинарные эксперименты, обеспечивая научную основу для законодательных инициатив.

Таким образом, развитие гибридного правосудия требует перехода от точечных технических решений к системной политике, объединяющей цифровизацию, медиацию, образование и науку.

5. Перспективы дальнейших исследований

В перспективе дальнейшее развитие темы может идти по нескольким направлениям. Во-первых, углублённое исследование когнитивной структуры судебных решений с использованием методов машинного обучения и семантического анализа позволит

изучить влияние цифровых форматов на мышление судей и стили аргументации. Во-вторых, важно расширить международные сравнительные панели, включив данные азиатских и скандинавских стран, где внедрение *ОРС* достигло зрелой стадии. В-третьих, необходимы исследования социологического восприятия цифрового правосудия — доверия граждан к онлайн-судам и медиаторам, восприятия процедур справедливости и прозрачности.

Особого внимания заслуживает взаимодействие искусственного интеллекта и судебного усмотрения. Уже сейчас в пилотных проектах обсуждается возможность автоматической классификации исков и предварительного анализа доказательств, однако вопрос о допустимых границах машинного участия остаётся открытым. Противоречие между предсказуемостью и свободой юридического суждения может стать центральной темой для философии права ближайших десятилетий [35; 37].

Таким образом, дальнейшие исследования должны сочетать технологическую экспертизу с гуманитарным анализом, сохраняя ключевой принцип правосудия — приоритет человеческого разума над алгоритмом.

6. Заключительное обобщение

Дискуссия вокруг гибридного правосудия демонстрирует, что цифровая трансформация судебной системы — не столько технологическая, сколько цивилизационная задача. Она требует нового понимания соотношения человека и технологии, права и алгоритма, эффективности и справедливости. Опыт 2020–2025 гг. показывает: цифровизация и медиация могут улучшить качество правосудия, но лишь при условии сохранения автономии судьи, прозрачности процедур и этических гарантий.

Трудности, с которыми сталкивается исследователь, отражают те же проблемы, что и сама судебная система: неполнота данных, неоднородность практик, баланс между формой и смыслом. Преодоление этих ограничений возможно только через институциональную координацию науки, технологий и судебной политики.

Таким образом, гибридное правосудие становится лабораторией новой правовой рациональности, где эффективность соединяется с гуманистической миссией, а цифровые инструменты служат не механическим ускорителям, а средствами укрепления доверия и качества судебного мышления.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что цифровизация правосудия и институционализация медиации в России в 2020–2025 гг. формируют качественно новую модель судебной деятельности — гибридное правосудие, сочетающее технологические инновации и гуманистические подходы к разрешению споров. Синергия электронного судопроизводства, подключенной к суду медиации и *ОРС* трансформирует не только процессуальные формы, но и когнитивные механизмы юридического мышления, определяя новые стандарты прозрачности, аргументированности и устойчивости судебных актов.

Анализ микроданных судебной статистики и корпусного *NLP*-исследования текстов решений подтвердил, что внедрение цифровых технологий и медиативных практик

оказывает статистически значимое положительное влияние на качество мотивировки судебных актов. Индекс аргументативной и структурной полноты (Reasoning Quality Score) увеличился в среднем на 10–12%, а доля отмен в апелляции и кассации снизилась на 8–10%. Параллельно наблюдается рост когерентности и прозрачности решений при умеренном упрощении юридического языка.

Медиация и *ОРС* проявили себя не только как инструменты разгрузки судов, но и как факторы повышения глубины рассуждения: участие сторон в переговорах способствует более обстоятельному изложению мотивировочной части решений и укрепляет восприятие процессуальной справедливости. Результаты сопоставимы с зарубежными исследованиями [24; 28; 37] и подтверждают универсальность эффекта гибридизации правосудия.

Сравнение с Италией и Великобританией показало, что российская модель прошла этап первичной цифровизации, достигнув уровня зрелости, при котором технологии начинают влиять на качество, а не только на скорость правосудия. Итальянский опыт (*PCT/TOL*) демонстрирует аналогичные тенденции стандартизации и ускорения, но сопровождается большей унификацией текстов. Британская система (*Online Civil Money Claims*) иллюстрирует противоположную стратегию — сохранение глубины мотивировки при сильной ориентации на пользователя. Россия занимает промежуточное положение, постепенно переходя от формальных к содержательным эффектам цифровизации.

С теоретической точки зрения исследование вносит вклад в формирование концепции когнитивного качества правосудия — категории, объединяющей структурную, аргументативную и этическую стороны судебного рассуждения. Введение показателей *RQS* и интеграция методов обработки естественного языка в правовую аналитику открывают возможности для систематического измерения качества судебных актов на микроуровне. Это формирует новый подход в юриспруденции — от описания институциональных норм к эмпирическому измерению юридического мышления.

Практическая значимость результатов проявляется в возможности их применения при разработке:

- программ внутреннего аудита качества судебных решений;
- стандартов электронных судебных актов и унифицированных шаблонов;
- национальных показателей эффективности судебной деятельности, включающих не только количественные, но и содержательные критерии;
- учебных курсов повышения квалификации судей и медиаторов по когнитивным и цифровым аспектам правосудия.

Таким образом, результаты исследования имеют межведомственную и междисциплинарную полезность — для органов судебного управления, образовательных учреждений, центров медиации и аналитических подразделений Судебного департамента.

Несмотря на положительные результаты, исследование выявило ряд ограничений, связанных с качеством данных и методологией анализа. Неполная доступность микроданных о применении медиации и электронных процедур затруднила построение точных панельных моделей; часть показателей оценивалась через прокси-переменные.

NLP-методы продемонстрировали ограниченную точность при анализе сложных юридических конструкций и контекстуальных нюансов.

Кроме того, установленные эффекты цифровизации могли частично отражать особенности судов-пионеров — тех, где изначально существовали более высокие стандарты управления и правовой культуры. Эти факторы требуют дальнейшей валидации на более широком временном горизонте и в расширенных выборках.

Особое внимание следует уделить этическим границам цифрового правосудия. Применение алгоритмов и ИИ в судебных процедурах создаёт риски утраты автономии суждения, что требует нормативного регулирования и прозрачных принципов объяснимости решений.

На основе полученных данных представляется целесообразным реализация следующих направлений судебной политики и научного развития:

1. Создание национальной базы данных судебных актов с открытыми метаданными для анализа аргументативных и процессуальных характеристик решений.
2. Внедрение регулярного мониторинга качества мотивировки, основанного на *NLP*-индикаторах и экспертной оценке, как элемента внутреннего контроля судов.
3. Расширение института подключенной к суду медиации, включая создание постоянных медиативных подразделений при судах и интеграцию цифровых платформ *ОРС*.
4. Подготовка судей и медиаторов к работе в условиях цифровых коммуникаций, включая обучение когнитивным техникам аргументации и этике онлайн-взаимодействия.
5. Разработка этического кодекса использования ИИ в правосудии, гарантирующего право сторон на объяснение решений и недопущение алгоритмической дискриминации.
6. Международное сотрудничество в рамках сравнительных проектов с судебными системами ЕС и Великобритании для обмена методиками оценки качества судебных актов.

Дальнейшее развитие темы требует перехода от макроуровневых оценок к когнитивно-поведенческому анализу судебного мышления. Использование технологий машинного обучения и семантических сетей позволит изучить, как цифровые интерфейсы и медиативные процедуры влияют на логику рассуждения судей, выбор норм и риторические стратегии.

Не менее важным направлением станет исследование доверия граждан к электронному правосудию и его влияние на восприятие легитимности судебной системы. Для этого необходимы социологические опросы и междисциплинарные проекты с участием специалистов в области психологии права, коммуникации и информатики.

Кроме того, перспективно развитие международных сравнительных баз данных судебных актов, что позволит построить глобальные метрики качества правосудия и разработать универсальные индикаторы устойчивости судебных решений в разных правовых семьях.

В конце необходимо представить следующие итоговые выводы:

1. Электронное правосудие и медиация в совокупности образуют устойчивый вектор трансформации судебной системы России, усиливая её прозрачность, предсказуемость и эффективность.
2. Повышение качества мотивировки судебных актов подтверждено как статистически, так и текстово-семантически, что свидетельствует о когнитивной адаптации судей к цифровой среде.
3. Сравнительный анализ с Италией и Великобританией показал, что эффективность гибридного правосудия определяется не самим фактом цифровизации, а степенью институциональной готовности системы и балансом между стандартизацией и автономией юридического рассуждения.
4. Дальнейшее развитие требует интеграции науки, технологий и судебной практики — создания исследовательских центров, разработки открытых инструментов *NLP*-анализа и формирования международных партнёрств.
5. Цифровая трансформация правосудия должна оставаться подчинённой главной цели — укреплению доверия общества к суду и обеспечению справедливости как высшей ценности правового государства.

Таким образом, гибридное правосудие предстает не просто как технологическая модернизация судебной системы, а как становление новой формы юридической рациональности — рациональности, в которой эффективность соединяется с этикой, а цифровые инструменты становятся средствами укрепления культуры аргументации и гуманистического содержания правосудия.

Конфликт интересов

Автор заявляет, что конфликт интересов отсутствует.

Список источников информации:

1. Апушкина Т. С., Котова А. В., Лобачева И. В. Цифровизация правосудия: проблемы и пути их решения // Пробелы в законодательстве. — 2022. — № 5. — С. 189–195. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49895115>
2. Бриль М. С., Бекренёва Ю. С., Осипенко И. С. (2024). Применение медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов // Социальная психология и общество. — 2024. — № 15(3). — С. 163–180. — URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150310>
3. Бурдина Е. В., Зуев С. В. Электронное правосудие: монография. — М.: Российский государственный университет правосудия, 2021.
4. Вапурина С. С. Цифровая трансформация правосудия: конституционно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 2. — С. 35–48. — URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.179.10.039-049>
5. Гид по показателям судебной статистики и открытых данных // Courtmonitoring.org. 2024. — URL: <https://courtmonitoring.org> (Дата обращения: 10.11.2025).
6. Карасев А. Т., Николаев С. Г. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 2. — С. 37–45. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46445957>
7. Малинский Ю. В. Информатизация деятельности судов Российской Федерации // Российский судья. — 2021. — № 9. — С. 12–17. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45807754>

8. Официальная судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <https://cdep.ru> (Дата обращения: 10.11.2025).
9. Сводная статистика применения медиации в РФ, 2020–2024 гг. Федеральный институт медиации. — М.: Минюст России, 2025.
10. Соловьёв В. Ю. Современные научно-практические проблемы применения медиации в гражданском процессе // Образование и право. — 2020. — № 7. — С. 104–110. — URL: <https://education.law-books.ru/соловьев-в-ю-современные-научно-практ/>
11. Судебная статистика по видам судопроизводства, 2018–2024 гг. // Федеральный портал судебной статистики РФ. — URL: <https://stat.cdep.ru> (Дата обращения: 10.11.2025).
12. Сухорукова О. А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект. — М.: Юрайт, 2021. — 214 с.
13. Турагин В. Ю., Яковлев Д. В., Посохова Я. В. Медиация в России: перспективы и альтернативы // Номотетика: философия. Социология. Право. — 2024. — Т. 49. — № 2. — С. 90–97. — URL: <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2024-49-1-90-97>
14. Ульянов А. Ю. Правовые подходы к оценке эффективности судебной власти // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — № 3. — С. 235–253. — URL: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.4.235.253>
15. Федоренко Н. В., Рябцев С. И., Иванова О. П. Comparative Legal Analysis of Mediation in Russia and the EU // Economic and Social Development Journal (ERSJ). — 2017. — Т. 20. — № 4. — С. 163–172. — URL: <https://doi.org/10.35808/ersj/598>
16. Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы / под. ред. А.В. Габова, Т.В. Капаниной, И.В. Пановой. — М.: Статут, 2024.
17. Alternative Dispute Resolution for Consumers: Report on Implementation and Impact. European Commission. — Brussels, 2024. [= 17. Альтернативное разрешение споров для потребителей: отчет о внедрении и результатах. Европейская комиссия.]
18. Antonucci L. Evaluation of the Italian judicial system via stochastic frontier analysis. — Rome: Ministry of Justice, 2014. [= Антонуччи Л. Оценка итальянской судебной системы с помощью стохастического пограничного анализа.]
19. Azmi M. A., Manap N. A., Ahmad S., Zakaria Z., Selvaratnam D. P. S., Hamid N. ‘Adha A., Othman N. Online Dispute Resolution (ODR): Legal analysis and implementation in selected countries // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. — 2025. — № 15(11). — С. 271–283. [= Азми М. А., Манап Н. А., Ахмад С., Закария З., Сельваратнам Д. П. С., Хамид Н., Адха А., Отман Н. Онлайн-разрешение споров (ОРС): правовой анализ и внедрение в отдельных странах]. — URL: <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v15-i11/26829>
20. Cowan, D. Review of Susskind, online courts and the future of justice // Canadian Journal of Law & Technology. — 2020. — Vol. 18. — No. 2. — P. 145–150. [= Коуэн Д. Обзор Сасскинда, онлайн-суды и будущее правосудия]. — URL: <https://digitalcommons.schulichlaw.dal.ca/cjlt/vol18/iss2/5/> (Дата обращения: 10.11.2025)
21. Effectiveness of Using Mediation in Civil Law: Annual Review 2022. — Ottawa: Ministry of Justice of Canada, 2022. [= Эффективность использования медиации в гражданском праве: ежегодный обзор за 2022 год.]
22. Giacalone M., Salehi S. An empirical study on mediation and online mediation: Global practices and challenges // Journal of Dispute Resolution. — 2022. — Vol. 9. — No. 3. — P. 201–216. [= Джакалоне М., Салехи С. Эмпирическое исследование медиации и онлайн-посредничества: мировая практика и вызовы.]. — URL: <https://doi.org/10.37417/rivitsproc/859>
23. Global ODR Projects Database: Annual Overview // ODR.info, 2024. [= Глобальная база данных проектов ОРС: Ежегодный обзор.]. — URL: <https://www.odr.info>
24. Grajzl P., Silvestri A., Novák T. Does court-annexed mediation facilitate case disposition? Evidence from comparative systems // Law and Policy Review. 2025. (в печати). [= Грайзл П., Сильвестри А., Новак Т. Способствует ли медиация, проводимая в рамках судебного процесса, разрешению дела? Данные сравнительных систем.]
25. Guidelines on Online Dispute Resolution in Civil and Administrative Proceedings. Council of Europe. — Strasbourg: CEPEJ, 2021. [= Руководство по разрешению споров в режиме онлайн в гражданском и административном судопроизводстве. Совет Европы.]

26. International Dispute Resolution: Trends and Metrics 2024. SIDRA Survey. — Singapore International Dispute Resolution Academy, 2024. [= Международное разрешение споров: тенденции и показатели в 2024 году. Опрос SIDRA.]
27. Judicial System Reform in Italy — A Key to Growth. IMF. — Washington: International Monetary Fund, 2014. [= Реформа судебной системы в Италии — ключ к экономическому росту. МВФ.]
28. Mendola M. Processo civile telematico e tribunale online: Efficienza e qualità della motivazione. — Milan: Giuffrè Editore, 2022. [= Мендола М. телематический гражданский процесс и онлайн-суд: эффективность и качество мотивации.]
29. Nissi E., Giacalone M., Cusatelli C. Efficiency of the Italian judicial system: A two-stage DEA approach // Applied Economics Letters. — 2019. — Vol. 26. — No. 8. — P. 639–644. [= Нисси Э., Джакалоне М., Кусателли С. Эффективность итальянской судебной системы: двухэтапный подход DEA.]. — URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-018-1892-5>
30. ODR — A Paradigm Shift in Access to Justice // ResearchGate Collection, 2025. [= OPC — смена парадигмы в доступе к правосудию]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.odr.2025.04.007>
31. OECD Digital Justice Framework. — Paris: OECD, 2024. [= Система цифрового правосудия ОЭСР.]
32. Ogembo D. Rapid evidence review: The impact of mediation on outcomes, experience and bias. — Shalford: The Legal Education Foundation, 2021. [= Огембо Д. Экспресс-анализ фактических данных: влияние медиации на результаты, опыт и предвзятость.]
33. Online Courts — Comparative Study. — Brno: Masaryk University Press, 2022. [= Онлайн—суды — Сравнительное исследование.]
34. Online Dispute Resolution (ODR) // Oxford Public International Law Encyclopedia. — Oxford University Press, 2024. [= Онлайн-разрешение споров (OPC).]
35. Online Dispute Resolution Framework and Digital Justice Strategy. OECD. — Paris: OECD Publishing, 2024. [= Система онлайн-разрешения споров и стратегия цифрового правосудия. ОЭСР.]
36. Reiling D., Contoni F. E-justice platforms: Challenges for judicial governance // International Journal for Court Administration. — 2022. — Vol. 13. — No. 1. — P. 1–14. [= Рейлинг Д., Контони Ф. Платформы электронного правосудия: вызовы для судебного управления.] <https://doi.org/10.36745/ijca.445>
37. Susskind R. Online courts and the future of justice. 2nd ed. — Oxford: Oxford University Press, 2022. [= Сасскинд Р. Онлайн-суды и будущее правосудия.]
38. Tribunale Online Annual Report 2024. — Rome: Ministry of Justice, 2024. [= Годовой отчет Онлайн-трибунала за 2024 год.]